

14 2002г. 1 2.

1645762

95.2
Т16

ТАЛЫЦЫ

Котле шеф мени

1:645762

ЖАУГАРИГО ЗИСУ СРОКА
ВОЗВРАЩЕНУ НЕ ДОЖДЕ
КНИЛУ ДОЖИЖИ ВРИП
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КОЛПОВРИПИ ЗИНСЛОК

15.11.2010

08

Тальцы • 2 (14) • 2002

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
 • АРХИТЕКТУРА • ЭТНОГРАФИЯ • ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ •
 • ТОПОНИМИКА • ФИЛОЛОГИЯ •

Издается с 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- ✓ **Г.Б. Красноштанов, Л.С. Нератова.** Как начиналась
 деревня Казимилова и как она исчезла 3
- ✓ **Ю.П. Лыхин.** Одна старая фотография 10

ЭТНОГРАФИЯ

- ✓ **А.Д. Назаркин.** Орнамент на обрядовых полотенцах
 русских крестьянок Приленья 20

ВОСПОМИНАНИЯ

- ✓ **П.И. Лыхин.** Жизнь и думы, всего понемногу 24
- У НАС В ГОСТЯХ

- ✓ **Ю.В. Феликсова.** Архангельский государственный
 музей деревянного зодчества и народного искусства
 «Малые Корелы» 30

МУЗЕЙНЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ

- ✓ **А.В. Кривдов.** К вопросу об экспозиционно-выставочном
 проектировании (из опыта Нижнеудинского музея) 33

МУЗЕЙНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Н.Н. Уткин.** Архангельский музей деревянного зодчества
 «Малые Корелы». Обзор проблем 42

- В.П. Орфинский.** Осколки архитектурного континента.
 Этические аспекты сохранения архитектурного наследия 46

- ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ 64

- КОНФЕРЕНЦИИ 74

- НОВЫЕ КНИГИ 75

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЧКИ

- А.К. Горбунов.** Ласка 76

НА ДОСУГЕ

- Блюда православной обрядовой кухни 79

2645462

Учредитель и издатель:

Архитектурно-этнографический музей «Тальцы».
ЛР 040958 от 01.04.99. АЭМ «Тальцы».
Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2.
Тел. (8-3952) 33-47-05

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук Т.А. Крючкова,
канд. ист. наук Ю.П. Лыхин (отв. секретарь),
канд. ист. наук Л.В. Мельникова,
А.К. Нефедьева,
В.В. Тихонов (гл. редактор)

Составитель номера:

Ю.П. Лыхин

Редактор: Г.Д. Лопатовская

Компьютерный набор: А.В. Горбунова, Ю.П. Лыхин

Оригинал-макет: Ю.С. Макарова

Подготовка к печати: Изд-во «ИП Макаров С.Е.»

Свидетельство о регистрации № И-0236 от 21 декабря 1995 г.
выдано Региональной инспекцией по защите свободы печати и
массовой информации.

Адрес редакции: Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2. Тел.
(8-3952) 33-47-05, факс (8-3952) 20-10-92, E-mail: talci@irk.ru

На обложке:

- С. 1 — Часть улицы Каргопольско-Онежского сектора музея
«Малые Корелы»
- С. 2 — Фольклорный праздник в музее «Малые Корелы»
- С. 3 — Фрагменты экспозиции выставки «О чем вещи молчат»
в Нижнеудинском краеведческом музее, Иркутская область
- С. 4 — Макарьевская часовня из деревни Федоровской Плесец-
кого района Архангельской области. XVIII век

Подписано в печать 12.09.02. Формат 60x90 $\frac{1}{16}$. Печать офсет-
ная. Усл. печ. л. 5,00. Уч.-изд. л. 4,44. Тираж 1000 экз.
Заказ № 3041. Цена свободная.

Отпечатано в ИПО ИГЭА, г. Иркутск, ул. Ленина 11.

Издательство ИП «Макаров С.Е.»

тел. 516-460, 516-484

© АЭМ «Тальцы», 2002

КАК НАЧИНАЛАСЬ ДЕРЕВНЯ КАЗИМИРОВА И КАК ОНА ИСЧЕЗЛА

*Георгий Борисович
Красноштанов,
исследователь,
г. Москва*

*Людмила Степановна
Нератова,
историк-краевед,
г. Киренск*

В книге В.Н. Шерстобоева «Илимская пашня» (Т. I, с. 85) первое упоминание о деревне Казимировской отнесено к 1705 году. Однако же она возникла раньше, вначале не имела названия, потом упоминалась под другим названием. История возникновения этой деревни очень запутанная, в ней непросто разобраться. В устных книгах, в которых перечислялись все крестьяне, в большинстве случаев не указывалось, в каких деревнях они проживали, а если и указывалось, то часто одна и та же деревня записывалась под разными названиями, а иногда несколько деревень записывалось под одним названием.

Впервые о деревне, которая впоследствии называлась Казимировской, упомянуто в «дозорной книге» илимского воеводы Ф.Р. Качанова в 1699 году: «От Красноярской деревни вверх до деревни Пашка Нетесова три версты. Стоит та деревня, идучи вверх по Лене, на правой стороне. А в ней двор, живет в нем Пашко Гаврилов сын Нетесов. Пашет полдесятины ржаные, яровые тож. А владеет он тою пашнею по записи 201 [1692–1693] году» (РГАДА, ф.214, Сибирский приказ, кн.1227, л.50).

Версты здесь двойные, двойная верста равна 2,13 километра. Три двойных версты — это 6,39 километра. Именно таково примерно было расстояние между деревнями Красноярской и Казимировой.

Однако год поселения здесь Пашки Нетесова, видимо, ука-

Братья Красноштановы. Сидят (слева направо): Ефрем Миронович и Терентий Миронович. Стоят: справа — Прокопий Миронович, слева — неизвестный, все из деревни Казимировой

зан не совсем точно. Больше верить надо ужинной книге 203 [1694] года, которая писалась по свежим следам. В ней сказано: «У пашенного у Пашка Гаврилова на полудесятине великих государей родилось в ужине сто пятьдесят снопов овса, в умолоте родилось две четверти с осминой овса. Аржи у него не было, потому что поселен в 202 [1693–1694] году на пустое место умершего Офоньки Курвина» (РГАДА, ф.1177, Якутская приказная изба, оп.4, д.1649, л.17 об. — 18).

202 год начинался 1 сентября 1693 года и кончался 31 августа 1694 года. Поскольку рожь сеяли осенью, а овес весной, то получается, что Пашко Нетесов поселился в своей деревне в период с сентября 1693 года по весну 1694 года. Но ведь сказано, что до Пашка Нетесова здесь пахал Афонька Курвин. А в других документах указывается, что Афонька Курвин пахал в деревне Краснояровой, которая имела еще и второе название — Курвинская. В те времена крестьяне нередко имели пашни в двух деревнях. Видимо, до поселения Пашка Нетесова Афонька Курвин пахал там наездом, но обосновался прочно, так как имел мельницу на речке Казимировке, которая в то время называлась Афонькиной речкой.

В «книге рыбных ловель» 1705 года деревня Павла Гаврилова Нетесова названа «деревней Верхнего луга». А записаны в ней уже двое крестьян, Павел Гаврилов и Иван Иванов. Фамилии не указаны. В позднейших документах Иван Иванов называется братом Павла Гаврилова, но поскольку отчества разные, то они, видимо, были сводными или двоюродными братьями.

Братья Красноштановы. Киренск, 1928–1930 гг. Слева направо: Михаил Алексеевич (работал в речном флоте), Лев Евграфович (служил в милиции), Спиридон Евграфович (бригадир колхоза «Коллективизация», погиб в декабре 1941 г.)

До этого времени Иван Иванов пахал в деревне Тире. В ужиной книге 1696 года он записан как Ивашко Безсонов, в следующем 1697 году как Ивашко Казимер, а в «дозорной книге» 1699 года как Ивашко Иванов Безсонов.

В XVII и в начале XVIII века нередко один и тот же человек имел два имени или две фамилии (прозвища). Примером может служить такой известный человек, как Ерофей Хабаров. Во время его пребывания в Мангазее и на Таймыре в 1629–1630 годах он все время упоминался по фамилии Святицкий и лишь один раз по фамилии Хабаров. Наличие двойной фамилии или имени удастся установить только логическим способом, сравнением разных документов.

В окладной книге 1703 года записаны «Павел Гаврилов сын Нетесов да брат ево Иван Безсонов, да детей ево, Яков да Прохор Ивановы» (РГАДА, ф.214, оп.5, д.617а, л.143). А в поручной записи 1708 года Павел Гаврилов записан по фамилии Казимеров. Был он старостой у пашенных крестьян.

В окладной книге 1721 года записаны «Павел Гаврилов Безсонов да брат ево Иван Безсонов» (РГАДА, ф.494, Илимская воеводская канцелярия, оп.1, ч.1, д.137, л.179 об.).

Таким образом, Павел Гаврилов имел сразу три фамилии — случай единственный в ленской истории XVII–XVIII веков. По

Красноштановы перед уходом на Великую Отечественную войну. Слева направо: Григорий Евграфович (погиб на Калининском фронте), Прокопий Дмитриевич (погиб под Москвой), Иван Иннокентьевич (был ранен, вернувшись домой, работал десятником на Казимировском лесоучастке)

одной из таких фамилий и пошло название деревни — Казимерова (Казиминова).

Эти фамилии — Бессонов (Безсонов), Нетесов и Казимеров — будут чередоваться среди первооткрывателей деревни.

По документам 1728 года (РГАДА, ф.494, оп.1, д.226, л.121) по деревне Казимеровой числится один двор Ивана Ивановича Безсонова — 80 лет. У него дети: Яков 27 лет, Прохор 25 лет, у Якова сын Василий. У него же (Ивана Безсонова) на подворье племянники — Петр 7 лет, Павел 7, Степан 5 и Иван 2 лет. Эти племянники записаны с фамилией Казимеровы.

В 1734 году внедряется в деревню Иван младший из Ульякана — сын Пашки Степанова Красноштана. В ревизской сказке Яков Безсонов объявил: «десятиной пашни и сенные покосы имеет после отца своего общее с крестьянином Иваном Красноштановым полюбовно, собою, без прошения в Ылимской канцелярии», т. е. договорились на каких-то условиях пахать пашню вместе, не

оформляя документов (РГАДА, ф.494, оп.1, ч.1, д.494, л.11 об.).

В «делах хлебного повытья» за 1754 год о деревне Казимеровой записано: «Ивана Бессонова оклад. Владения отца их десятиной пахотной земли и [с] сенными покосы — полдесятины. И с того числа одною четью десятины владеет Иван Красноштанов, другою четью десятины владеет Сидор Карасов. Онция без указа. А роскладного правианту платят они купно три четверти

ржи, овса — тож число» (РГАДА, ф.494, оп.1, ч.1, д.698, л.19).

Сидор Карасов имел семью с четырьмя детьми и брата, имел в Казимеровой домовую баню и пахал наездом, впоследствии он перешел на другие земли.

У Ивана Красноштанова дети: Дмитрий 18 лет, Иван 15, Яков 6 и Иван 2 лет. В упомянутом документе все они записаны как жители деревни Казимеровой. Там же они имели домовую баню и мутовчатую мельницу на оброке денежном.

Но ответственным за оклад по-прежнему был Безсонов. С ним имели дело сборщики. Платили же три человека совместно, «купно».

По документам 1738 года в деревне записан один двор Ивана Безсонова, которому 90 лет. У него сын Яков 37 лет, внук Василий 15 лет. С ним проживают племянники Петр, Павел, Степан. Глава семьи Иван Безсонов по старости управлять хозяйством не мог. Все заботы о нем легли на сына Якова.

Можно проследить судьбу потомков Безсоновых. В 1728 году умер племянник Иван, Степан умер в 1730 году. В 1733 году умер сын Прохор. В 1738 году умерли сын Яков и внук Василий — сын Якова. Петр Безсонов в 1737 году был взят в рекруты. В деревню Казимерову он вернется в 1743 году, о нем будет записано: «Земли у него, Петра, не иметца». А в 1820 году такая запись о Михаиле Безсонове: «Зрения не имеет, родственников не имеет».

В 1894 году по Казимировой значатся Епифан Алексеев сын Безсонов 17 лет и его сестра Наталья 25 лет. Далее след потомков Ивана Ивановича, которые писались с фамилиями Казимиров и Безсонов, теряется.

Анна Фоковна Арбатская (урожденная Красноштанова). В годы войны — трактористка МТС

Самой распространенной и «живучей» в этой деревне оказалась фамилия Красноштановых.

Род этот пошел от Стеньки Константинова сына Красноштанова, ссыльного черкашенина, который был посажен на пашню по Лене реке в 1646 году сначала в деревню Кривая Лука, а с 1654 года по Усть-Улькану речке. Стенька пахал «на государя десятину ржи да полдесятины яри». После его смерти в 1667 году пашня перешла детям — Пашке, Федьке и Нестерке.

Из-за нехватки земли по Улькану сын Павла Иван стал пахать в Казимировой на паях.

Какие изменения произошли в Казимировой в советское время? По документам обложения сельхозналогом в 1925–1927 годах (Киренский райархив) в деревне насчитывалось 44 двора. Из них 40 дворов Красноштановых, 2 — Арбатских, 1 — Николаева, 1 — Маркова. Людей — достатка — середняков — 34 хозяйства, бедняки — 8 хозяйств — не подлежали обложению налогом.

Жил в этой красивой деревне с большими добротными домами работающий народ. Занимались хлебопашеством, извозом, торговлей, охотой и рыболовством.

Распад деревни начался в период коллективизации — 1930–1931 годы. Первыми пострадали самые зажиточные, самые крепкие хозяйства. Их причислили к кулацким и хозяев выслали за пределы района: Андрея Ксенофонтовича Красноштанова на Маму, Михаила Михайловича Красноштанова — на лесоповал по Енисею. Высланы также Иван Викторович Арбатский, Петр Михайлович Красноштанов и др.

Боясь раскулачивания, многие покинули деревню сами. Так в далеком северном поселке Тура в низовьях Енисея по вербовке через уполномоченных оказались семьи Фоки Васильевича и Алексея Петровича Красноштановых, Герасима Варфоломеевича Арбатского.

Крестьяне уезжали в Якутию и в другие места.

В 1931 году образовался колхоз «Коллективизация». Его председателем был избран Иван Иннокентьевич Красноштанов. В деревне в канун Великой Отечественной войны (1940 г.) насчитывалось 24 хозяйства. На войну из этой деревни ушло 30 мужиков, из них погибли 21, в том числе и первый председатель колхоза И.И. Красноштанов. После его призыва на войну колхоз возглавил Дмитрий Алексеевич Красноштанов, он и стал последним

председателем этого колхоза. При объединении деревни с Краснояровой в 1952 году колхоз получил имя Хрущева. Дмитрий Алексеевич стал бригадиром Казимировской бригады и был им почти до последних дней существования деревни.

Как исчезла деревня? В 1946–1948 годах в ней насчитывалось еще 24 хозяйства, из них коренных жителей 15 семей, переселенцев из Воронежской области 7 семей (Клишины, Рябухины, Ромновы).

Колхозники покидали насиженные места не из-за хорошей жизни. Надежда, что после войны будет лучше, не оправдалась. За свой труд получали мизерную плату, платили налоги на молоко за то, что держали корову, на яйцо за то, что имели кур, и т. д.

В деревне закрылась начальная школа, и малолетних детей надо было отравать от семьи в интернаты. Покидали так и не обжитое место переселенцы..

В 1954 году дворов насчитывалось 19, из них коренных жителей 9. Отток из деревни продолжался и в последующие годы. В 1963 году покинул и тяжело расстался со своей деревней и домом Дмитрий Алексеевич Красноштанов. Он переехал в Усть-Кут. В 1967 году в деревне проживали Фока Васильевич Красноштанов 1894 года рождения с женой Анисьей Федоровной и Дмитрий Семенович Красноштанов с женой Марфой Гавриловной, оба с 1899 года. Это были последние жители деревни Казимировой.

С 1968 года она перестала существовать. Казимировские земли перешли в ведение Макаровского совхоза. Их стали обрабатывать механизаторские бригады наездом.

ЛИТЕРАТУРА

Шерстобоев В.Н. Илимская пашня: В 2 т. — Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. — Иркутск, 1949.

REVIEW

Georgy B. Krasnoshtanov, Ludmila S. Neratova. How the Kasimir village appeared and disappeared.

The authors give an account of the history of a settlement which emerged in the valley of the Lena river as far back as XVII century. The village stopped existing in 1968, sharing the lot of many villages on the Lena, which disappeared in the second half of XX century in the Soviet times.

ОДНА СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Юрий Петрович Лыхин,
кандидат исторических наук,
ученый секретарь Архитектурно-
этнографического музея «Тальцы»,
г. Иркутск

В любом краеведческом музее страны таких фотографий великое множество. С них, безмятежно застыв, смотрят на нас из прошлого неизвестные люди. Вглядываясь в их лица, всегда хочется знать, кто они, как жили, живы ли сегодня их потомки. Эта возможность предоставляется нам в данном случае. На публикуемой фотографии снята часть большой семьи Таракановых — ленских крестьян, жителей села Сполошинского Киренского уезда Иркутской губернии.

Таракановы — одна из коренных фамилий на реке Лене. В Чечуйской волости Киренского уезда люди с этой фамилией жили с XVII века. Правда, писалась тогда эта фамилия несколько по-другому: Тороканов. Имя Торокан (Тарокан), восходящее к тюрк-

Семья Дмитрия Михайловича Тараканова. 1904 или 1905 г.

скому слову «тархан», было распространено на Руси в XV–XVII веках. А «тарханом» в старину у татар, а затем и у русских называлось лицо, за особые заслуги освобожденное от податей и имеющее ряд других привилегий. Позже несколько измененное слово стало личным собственным именем как у татар, так и у русских. Оно и послужило основой сначала отчества, а затем и фамилии Торокан-ов (Тарокан-ов) сын.

В XVII век уходит своими корнями и село Сполошинское, располагающееся в удивительно красивом месте, на крутом повороте Лены. По сведениям московского исследователя Г.Б. Красноштанова, первым поселенцем будущего села стал ссыльный «московский стрелец» Ивашко Семенов Тентюков. Его челобитная о поселении в пашню «на Сполошном лугу» была подписана 12 августа 1651 года.

Все снявшиеся на фотографии люди уже ушли из жизни, даже маленький мальчик, стоящий у ног своей бабушки. Они еще не ведают о своем будущем. Жизнь течет размеренно и традиционно. О будущих испытаниях, предстоящих как всей стране, так и этой, в частности, семье, никто не догадывается. Итак, начало XX века, 1904 или 1905 год, Сибирь, село Сполошинское, что в 100 верстах ниже по течению реки от уездного города Киренска. Сегодня в селе оказался заезжий фотограф. К стене дома прикреплен рисованный задник — трафаретный фон, и, несмотря на холод и снег, заметный на нижних бревнах сруба, все находящиеся в доме члены семьи вышли на улицу для того, чтобы запечатлеть свои лица на фотографическом снимке.

В центре на приставленной к стене скамье сидит глава дома — Дмитрий Михайлович Тараканов (1852 года рождения). Он в черном однобортном пиджаке и брюках, заправленных в высокие кожаные ичиги. Поверх воротничка черной рубашки переброшен белый шнурок, завязанный узелком и спускающийся к верхней пуговице пиджака. Гладкие темные волосы Дмитрия Михайловича зачесаны назад и подстрижены «под кружок». Густая борода и усы сливаются с рубашкой. Длинный, тонко очерченный нос и острый взгляд под нахмуренными бровями. Руки, сжатые в кулаки и уложенные на коленях, свидетельствуют о внутренней напряженности. Облик суровый. Таким он и был на самом деле. Рано остался без отца и с 16 лет встал во главе крестьянского хозяйства. Дмитрий Михайлович характера был довольно твердого, деспот в семье. Деловой человек («разворотливый») и большой труженик. Сам неутомимо работал и приучал к этому детей и внуков. Крепкий хозяин,

расчетливый до скупости. Имел много скота и хлеба. Дом его из двух половин, соединенных сенями («на связи»), располагался на самом берегу реки Лены. Село Сполошинское было станционным селением на Якутском тракте, по которому грузы гужевым транспортом везли в Бодайбо и Якутск. Дмитрий Михайлович содержал постоялый двор, пускал к себе на ночлег ямщиков, кормил людей, продавал сено для лошадей, предоставлял лошадей для перевозки грузов. Хозяйство его в начале XX века было большое и сильное.

Слева от него жена, Дарья Алексеевна, в темной «парочке»: кофте с пришитым белым воротничком и длинной юбке. В ушах заметны серьги-колечки. По моде того времени серьги золотые либо серебряные, «простые не носили». Уроженка деревни Кондрашиной*, Дарья Алексеевна, по воспоминаниям, была женщиной чрезвычайно хорошей и доброй. Это видно и по лицу: сложенные губы готовы расялиться в улыбке. Была она «из богатого дома». Когда муж сердился на то, что подавали нищим, она возражала: «Мы всегда нищих кормили и богатые были».

Еще левее — невестка, жена старшего сына Григория (родился около 1879 г.). В это время он находился в армии, на Дальнем Востоке. Его молодая жена — уроженка села Петропавловского, Анисья Степановна. Она в глухой темной одежде, с которой контрастирует наброшенный на плечи белый пуховый платок-«паутинка».

На колени бабушки облокотился мальчик лет трех-четырех — это внук Ираклий (1901 г. р.), сын Григория и Анисьи. В семье его ласково звали Ерашей. Он в белой рубашке поверх темных штанов и ичигах до колен. Рубашка с отороченными воротом и нагрудным разрезом подпоясана узким пояском в полоску.

Справа от Дмитрия Михайловича вторая невестка — Анастасия Федоровна — жена сына Николая (1881 г. р.), отсутствующего в настоящий момент по каким-то делам. Она, как и Анисья Степановна, в глухой темной одежде до пят и с белым вязаным шарфом, ниспадающим на колени.

Во втором ряду, стоя, расположились дети Дмитрия Михайловича. Прямо за ним дочери Варвара (1883 г. р.) и Харитина (1886 г. р.). Обе в светлых кофточках и темных юбках. В руках держат по букетику искусственных цветов — по всей видимости реквизит, привезенный фотографом. Кофточки с длинными рукавами и высокими воротниками-стоечками.

У Варвары (Вари) через плечо перекинута коса с вплетенной в нее

* Кондрашина и другие упоминаемые в статье селения находятся на р. Лене между г. Киренском и с. Сполошино.

белой, спускающейся к поясу ленточкой. Кофта отделана тесьмой. На талии различима прямоугольная пряжка широкого пояса. У Харитины (Тины) кофта из материала в крупную клетку украшена белой кружевной оборкой. Рукава кофты пышные, со сборкой на манжете. Высокий воротничок дополнен темной тесьмой или ленточкой.

Слева от них Герасим (Гера, 1888 г. р.), одетый в пиджак и темную узорчатую рубашку со стоячим воротником.

Справа — работник (приемный сын?) Дмитрия Михайловича, Михаил. Он в однобортном светлом пиджаке в мелкую полоску и белой рубашке с глухим воротником.

И наконец, крайний справа, мальчик лет 12–13, Прокопий (Проня, 1892 г. р.) — самый младший ребенок в семье. Он в папахе, рубашке-косоворотке, надетой навыпуск и подпоясанной узким пояском, в заправленных в ичиги штанах.

Вся семья одета в выходные одежды почти по городской моде. Основным типом мужской одежды в то время был пиджачный костюм, причем пиджаки и брюки могли быть разного цвета и фактуры. Заутюженная «стрелка» на брюках не была распространена. Брюки, которые обычно носили заправленными в сапоги, в рабочей и крестьянской среде не гладились вообще. Женский наряд обычно состоял из белой или светлой кофточки и юбки произвольного цвета и фасона. Выходная одежда надевалась редко, в особых случаях. Иногда в одном и том же костюме крестьянин венчался и, прожив жизнь, хорошился.

По рассказам Клавдии Ираклиевны Макагоновой, будущей дочери маленького Ираклия, в семье Д.М. Тараканова «жили зажиточно, но много работали. Женщины летом занимались огородом, но также помогали во время сенокоса и жатвы. Продукты питания были свои. Сами из ячменя готовили солод. Из семян конопли добывали масло, а саму коноплю обрабатывали и пряли пряжу, а из пряжи ткали холст, из которого делали полотенца. Пряли овечью шерсть и зимними вечерами вязали чулки, носки, рукавицы. Женщины всю домашнюю работу делали по очереди. Кто за скотом ходил: доил, кормил, поил. В это время одна делала всю домашнюю работу. Хлеб пекли каждый день, да и сколько надо было сварить, чтобы накормить всю семью три раза в день. Свекровь в основном занималась детьми. Излишки зерна, скота продавали, покупали сахар, мыло, материю, соль».

Варвара и Харитина — «девки на выданье» — грязную работу в доме не делали. Занимались вышиванием, шитьем — готовили приданое. Остальные женщины выполняли работу по дому, меняясь каждую неделю.

Мужчины кроме сельскохозяйственных работ занимались

рыбной ловлей. Рыбы ловили много. А когда выпадал снег, уходили в лес охотиться на белку («белочить»), на соболя. Били и «зверя»: сохатых, иногда медведей.

В середине 1900-х годов, в момент, отраженный на фотографии, в семье все было еще благополучно. Но уже несколько лет спустя семью Д.М. Тараканова постигло первое несчастье — умер старший сын Григорий. Взятый в армию после рождения первого сына Ираклия (род. в 1901 г.), он служил на Дальнем Востоке. Сохранилась его армейская фотография, на паспарту которой оттиснут штамп: «Фотография З. Ясуда. Городъ Никольскъ» (ныне Уссурийск). Вернувшись домой, он через несколько лет после рождения сына Павла (род. в 1907 г.) трагически погиб от ножевой раны в живот, нанесенной забравшимся в их амбар вором. Дело было летом — сенокос, горячая пора. Отец, Дмитрий Михайлович, не захотел гнать лошадей, которые должны были тянуть шитик вверх по течению реки Лены в Киренск. Потом все таки отправил, но поздно. Через несколько дней в Киренске Григорий Дмитриевич умер от заражения.

В те же годы дочери Дмитрия Михайловича вышли «взамуж». Первой, в 1907 году, родительское «гнездо» покинула Варвара. Сосватанная за Егора Ивановича Кобелева, она стала жить в деревне Захаровской. В 1910 году родилась дочь Анастасия, первая из ее семерых выживших детей.

Через несколько лет, по-видимому в 1913 году, в соседнюю деревню Лыхинскую переселилась Харитина, вышедшая за Ивана Егоровича Лыхина. В 1914 и 1919 годах родились два ее сына, Николай и Петр (автор данной статьи — ее внук).

Рано из родительской семьи ушел сын Николай. Несмотря на то что он окончил только 3 класса церковно-приходской школы, его считали самым умным из всей родни. Вместе со своей женой Анастасией Федоровной он уехал в Киренск, где работал в организации «Заготзерно».

Женились и младшие сыновья, Герасим и Прокопий, приведя в дом Дмитрия Михайловича молодых невесток. Сначала, в январе 1911 года, своей семьей обзавелся Прокопий. Его избранницей стала уроженка деревни Березовской Анна Василиковна (урожденная Березовская). В феврале 1914 года родился их старший сын Александр. В том же феврале 1914 года женился и Герасим — на «крестьянской девице» деревни Алексеевской Прасковье Алексеевне (урожденная Анкудинова).

Где-то в 1910-х годах среди членов семейства Д.М. Тараканова случился скандал. У Дмитрия Михайловича в сенях дома сто-

ял закрытый на ключ сундук, в котором он «на черный день» хранил кошелек с золотыми монетами. В один прекрасный день эти деньги пропали. По семейным рассказам, первоначально подозрение пало на Михаила. Тот обиделся и ушел из семьи. Дальнейшая судьба его неизвестна. А разноречивые мнения о том, кто же из семьи был повинен в краже, обсуждаются среди потомков Д.М. Тараканова и сегодня.

В начавшуюся летом 1914 года Первую мировую войну Герасим был призван в армию. Служил он «сержантом лейб-гвардии Его Императорского Величества». Участвовал в боевых действиях. Стал кавалером трех Георгиевских крестов. Был в плену. В числе других военнопленных работал в Польше на мельнице, хозяин которой кормил их вместе со свиньями, бил плетью. Герасим трижды пытался бежать, но неудачно. По окончании войны вернулся домой. По всей видимости, именно после возвращения с войны Герасим построил свой дом и выделился из родительской семьи. В 1920 году родилась его старшая дочь Мария.

А незадолго перед тем, 14 марта 1918 года, скончалась жена Дмитрия Михайловича, Дарья Алексеевна. Умерла она, как бесстрастно свидетельствует запись в метрической книге Петропавловской Спасской церкви, в возрасте 65 лет, от водянки.

В 1920-х годах новый дом-пятистенок построил и Прокопий. Семья умершего Григория (Анисья Степановна с сыновьями Ираклием и Павлом) осталась в старом доме вместе со свекром и дедушкой, Дмитрием Михайловичем. Так и зажили они на три дома, стоявших в ряд на берегу реки Лены: посередине родительский, по обеим сторонам — сыновей.

Вплоть по 1920-е годы уклад жизни на Лене мало менялся. Революционные события и Гражданская война этих мест особо не коснулись. Крестьяне продолжали вести единоличные хозяйства и жить традиционной патриархальной жизнью. Но надвигались трагические 1930-е годы, перевернувшие жизнь не только на Лене...

С 1930 года, когда партия взяла курс на сплошную коллективизацию, в Киренском районе стали организовываться колхозы, началось искоренение «кулаков». Не миновала эта участь и семьи Д.М. Тараканова.

В начале 1930-х годов был раскулачен Герасим Дмитриевич. Дом отобрали в колхоз, хозяина посадили. Пока Герасим сидел в тюрьме, жена с малыми детьми перебралась в Алексеевский затон, куда после освобождения приехал и он. Сын его, Виктор Герасимович Тараканов, пишет, вспоминая о тех годах: «Жили не очень, с рабо-

той было неважно. Отец работал на угольной, в лесу. [Там] гнали смолу и древесный уголь для кузницы. После работал плотником».

3 марта 1938 года Герасим Дмитриевич вновь был арестован. «...Мне было всего 14 лет, — продолжает Виктор Герасимович. — Я, как все ребята, у которых репрессировали отцов, очень был опечален. Бегали провожать, когда их повезли в город [Киренск] на подводах. Мама ходила его провожать. Она очень плакала, даже ночью. Сейчас еще труднее это вспоминать».

Постановлением тройки УНКВД Иркутской области 19 мая 1938 года Герасим Дмитриевич был осужден к 10 годам лишения свободы за то, что он якобы являлся участником контрреволюционной белогвардейской, диверсионно-вредительской, повстанческой организации. Умер он 17 февраля 1943 года в Южлаге, находившемся на территории Иркутской области, и захоронен на кладбище вблизи деревни Шевченко Тайшетского района. Реабилитирован в 1957 году.

Как пишет дочь Герасима, Мария Герасимовна Тараканова, «жизни у этого чудесного, умного человека не было. Пятерых детей создали, воспитать не дали».

В 1933 году под раскулачивание попал и Прокопий Дмитриевич. Его дочь, Тамара Прокопьевна Подкорытова, вспоминала об этом много позже: «Спасибо, что отца не посадили в тюрьму, «сжалились», вероятно, над детьми». Отобрав недавно построенный дом и имущество, «отца отпустили на все четыре стороны». Вместе со старшим сыном Александром Прокопий Дмитриевич уехал в село Пеледуй, где устроился на судовой плотник. Летом следующего года он вернулся в Сполошинское и на сколоченном из бревен разобранного амбара плоту («разрешили») сплавился со всей своей семьей и домашним скотом до Пеледуя. «Вместе с другими такими же «горемыками», как наша семья, папа и 5 мужчин (тоже из раскулаченных) построили барак с отдельным входом для каждой семьи (с русской печью на 2 семьи и кухней общей). Вся наша семья стала ютиться в комнате 15–20 м²».

Семью же Прокопий Дмитриевич имел большую, состоявшую в те годы из трех сыновей и четырех дочерей. Дочь Тамара продолжает вспоминать: «Родители были большими тружениками: мама обшивала всю семью, шила по заказу, начиная от нижнего белья до меховых шуб, шапок <...> ходила по найму белить потолки и стены. Папа работал на основной работе, а дома чинил обувь (валенки и кожаную), охотился, рыбачил. И это всю жизнь, сколько я помню. Жилось трудно. Я помню, что новых валенок я не носила, а донашивала, также как и пиджаки от бра-

гьев перешивались, перекрашивались нам с сестренкой на жакетки. Выросли без комплексов, скромными, не требуя от родителей ничего, зная, что в их возможности, они дадут сами. Но были всегда чистыми и аккуратными. К празднику мама шила — ребятам новые рубашки, нам ситцевые или сатиновые платья, и мы были не хуже других».

Вместе с сыном Прокопием уехал в Пеледуи и состарившийся к тому времени Дмитрий Михайлович, но жить ему оставалось недолго. 25 сентября 1935 года он скончался. Прокопий Дмитриевич умер там же, в Пеледуе, 7 июня 1950 года от рака желудка.

Судьба остальных членов семьи Д.М. Тараканова была следующей. Николай Дмитриевич с женой Анастасией Федоровной в 1932 году переехал в Иркутск, продолжая трудиться в организации «Заготзерно» заведующим складами. В 1950-х годах он вместе с племянником, Николаем Прокопьевичем Таракановым, построил в предместье Радищево дом, в котором и прожил всю оставшуюся жизнь, не имея собственных детей. Умер 14 февраля 1972 года. Анастасия Федоровна, всю жизнь бывшая домохозяйкой, скончалась 2 июля 1969 года.

Николай Дмитриевич, по отзывам знавших его людей, был замечательным человеком: очень добрым, отзывчивым, добросовестным, рассудительным. Ведя здоровый образ жизни, не пил и не курил. До самой смерти интересовался жизнью, выписывал газеты, много читал.

Его внучатый племянник, Валентин Александрович Тараканов, так вспоминает о нем: «Весь облик его, спокойные манеры, душевное внимание к собеседнику, спокойно-выразительный взгляд, неторопливая, несуетная, наполненная мыслями речь выражали достоинство и порядочность его натуры, заметную образованность и врожденную ли, приобретенную ли интеллигентность».

Жена же Николая Дмитриевича, Анастасия Федоровна, по отзывам, была очень скупой и ворчливой.

Харитина Дмитриевна безвыездно жила в деревне Лыхино, а когда та в 1960-х годах захирела и прекратила существование, переехала с мужем в деревню Захарову. В 1976 году за три месяца до смерти мужа была увезена сыном Николаем в Куйбышев. Там она и умерла 27 апреля 1980 года, прожив дольше всех из запечатленных на фотографии. Всю жизнь, с раннего детства до глубокой старости, Харитина Дмитриевна работала от зари до зари, не зная ни отдыха, ни покоя. В старости от постоянной работы ходила внаклонку, согнувшись чуть не до земли. В браке не была счастлива. С мужем они жили как кошка с

1645462

собакой, постоянно ворча друг на друга. Харитина Дмитриевна была суровой, неразговорчивой женщиной. С возрастом в ее облики сильно проявились инородческие черты — походила на якутку. По словам любящих ее сыновей, она была «вечной труженицей», «стойко и мужественно переносившей все невзгоды жизни», «отличавшейся незаурядной скромностью и кристальной чистотой души».

Варвара Дмитриевна с мужем, тоже не миновав раскулачивания, из деревни Захаровой перебралась в Петропавловское, куда они перевезли свой дом. В 1960-х годах они переехали в Алексеевский затон, где жила старшая дочь Анастасия, а оттуда к сыну Герасиму в поселок Жатай, находящийся на левом берегу Лены в 20 километрах ниже Якутска. Варвара Дмитриевна прожила долгую трудовую жизнь; о ней вспоминают как о человеке «доброй души», гостеприимном, много знавшем, в том числе «очень много трав». Скончалась она в Жатае 7 мая 1967 года.

Внук Дмитрия Михайловича Тараканова, Ираклий Григорьевич, окончил 5 классов церковно-приходской школы в с. Петропавловском. Будучи взят в армию, служил писарем в штабе 108-го полка Красной Армии, дислоцировавшегося около Иркутска. Был женат на Анне Ивановне (урожденная Пименова) из села Сполошинского. Работал сначала в госторге в Сполошинском, затем секретарем сельсовета в деревне Березовской, после этого — счетоводом-кассиром в Петропавловском отделении «Заготзерно». В Захаровой (ныне слившейся с Петропавловским) ему дали дом, и в 1933 году он вместе с семьей переселился туда. Из Петропавловского перевелся в киренскую организацию «Заготзерно», работал в бухгалтерии. В начале Великой Отечественной войны его жена умерла, оставив на попечении Ираклия Григорьевича четверых малолетних детей. В военные годы из-за нехватки работников в системе «Заготзерно» был послан в деревню Коршунову (в 200 км ниже Киренска по р. Лене), где на хлебных складах он был один во всех лицах: приемщик, кладовщик, счетовод, заведующий. После вместе с семьей и новой женой вновь перебрался в Киренск, продолжая работать в «Заготзерно». В Киренске он и умер 2 декабря 1955 года от рака желудка, не успев выйти на пенсию.

Человеком Ираклий Григорьевич был немногословным, очень выдержанным. Слыл грамотным и уважаемым специалистом в бухгалтерских делах.

Его мать, Анисья Степановна, скончалась 7 января 1962 года в Якутске, куда она переехала из Сполошино в 1959 году.

С момента съемки фотографии прошло без малого сто лет. Сегодня в селе Сполошино дома Дмитрия Михайловича не сохранилось, на его месте стоит колхозный склад. Но до сих пор живы (хотя и стоят «впусте») дома его сыновей, Герасима и Прокопия. В доме Герасима в 1930-х годах жила прибывшая в село семья переселенцев, позже в нем находился фельдшерский пункт, затем больница. В доме Прокопия Дмитриевича, высоком, с большими окнами, в 1930-х годах располагалась школа, позже магазин. Теперь оба пустуют и, увы, начинают разрушаться.

Многочисленные потомки запечатленных на фотографии лиц, разбросанные жизнью, ныне живут как по всей России, так и за ее пределами. При этом многие из них никогда не бывали в местах своих предков — на реке Лене, в селе Сполошино Киренского района Иркутской области. *

При подготовке статьи к печати большую помощь оказали потомки Д.М. Тараканова: К.И. Макагонова, П.И. Лыхин, В.Н. Окишева, Г.Г. Галкова и Г.И. Тараканова (г. Иркутск), В.А. Тараканов и Г.А. Несмеян (г. Владивосток), Т.П. Подкорытова (г. Екатеринбург), В.Г. Тараканов (г. Ставрополь), М.Г. Тараканова (г. Кстово Нижегородской области), В.Д. Гриценко (с. Криуши Ульяновской области), Т.Г. Романова (г. Самара), Г.Н. Киселёва (с. Сполошино Иркутской области). Всем им автор выражает глубокую признательность и благодарность.

ЛИТЕРАТУРА

Ривовш Я.Н. Время и вещи: Очерки по истории материальной культуры в России начала XX века. — М., 1990.

Федосюк Ю.: Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. — М., 1981.

REVIEW

Yuri P. Lykhin. One old photography.

There are a lot of such photographs in any regional museum. Unknown people from the past are looking at us from them, quietly set. Looking at their faces intently we always want to know who they are, how they lived, whether their off-springs are still alive. This opportunity is given to readers by the author of the article, who published a photography of the beginning of XX century, on which a part of the large Tarakanovs family is taking — Lensk peasants, villages of Spoloshinskoe of Kirensk district, Irkutsk province.

ОРНАМЕНТ НА ОБРЯДОВЫХ ПОЛОТЕНЦАХ РУССКИХ КРЕСТЬЯНОК ПРИЛЕНЬЯ

*Александр Дмитриевич Назаркин,
фольклорист, этнопедагог
детского клуба «Восход», г. Иркутск*

Тканье и вышивки архаического типа справедливо считают выдающимся явлением русского народного искусства. Это один из важных источников для раскрытия особенностей древнего мировоззрения их создателей. Исследователями традиционно-бытового искусства давно

уже признается большое смысловое значение изобразительных мотивов, образов, сюжетов, композиций, входящих в «декор» того или иного предмета, как, впрочем, и самих орнаментированных предметов, являющихся обрядовыми, а следовательно, воспринимавшихся как сакральные. Исследователи видят в сюжетах архаического вышивки отражение древнего земледельческого культа славян. Земледельческая общинная религия составляла господствующую форму верований и культа у славянских племен до христианизации. В ней выделялись олицетворенные силы природы, определявшие благополучие земледельца. Вплоть до нашего времени в крестьянской среде Приленья сохранилось благоговейное отношение к обрядовой (преимущественно свадебной)

Федосья Алексеевна Антипина с собственноручно вытканым в 1928 г. полотенцем, деревня Пашня Казачинско-Ленского района Иркутской области. Фото А.Д. Назаркина, 1990 г.

одежде и орнаментированным полотенцам, смысловое содержание которых дает нам почву для реконструкции архаических представлений человека об окружающем мире.

В качестве источника для данного исследования были привлечены изготовленные в конце XIX – начале XX века стеновые полотенца русских старожилов Приленья, проживающих на территории Казачинско-Ленского района, в долине реки Киренги.

В течение двух лет, 1995–1996 годы, в эти места выезжал этнографический отряд Иркутского фольклорного клуба под руководством автора.

Для сравнительного анализа рассматриваются орнаменты пяти холщовых полотенец, зафиксированные нами в экспедиции. В полотенцах приленских крестьянок орнаментированные концы полотенец имеют трехчастную композицию, в нижней части край подрубается, а для соединения с кружевным наконечником, связанным крючком, используется архаичный шов «через край». Уже одно то, что конец полотенца традиционно включает три комплекса узоров, располагающихся ярусно, один над другим, вызывает аналогию с образом мирового дерева, имеющего три сферы по вертикали. Все полотенца тканые. Узорное ткачество выполнялось архаичным способом (переборы перед бердом). Фон белый, а узор «светили» красными нитками. В некоторых посередине белых фоновых протоков располагается ряд дырочек либо крестиков из четырех дырочек. Благодаря этим мелким деталям — дырочкам, крестикам — создается впечатление пестроты, что имеет важное семиотическое значение. Основу здешнего ткачества составляет геометрический орнамент, который, как известно, отражает раннеземледельческие представления об устройстве мира. Почти

Конец полотенца, 1886 г., деревня Конец Луга Казачинско-Ленского района

Конец полотенца, XIX в., село Нижне-Мартыново Казачинско-Ленского района

ют центральную узорную полосу сверху и снизу.

Рассмотрим орнаментальные композиции на концах полотенца. В узоре практически царит одна фигура — ромб во всю высоту поля со сторонами в виде гребешков. В основной ромб чаще всего вписан ромб-решетка, в центре которого помещен большой крест. Мотив ромба с продленными по углам сторонами, с отмеченной серединой (известного под названием решетка), по мнению специалистов, являет собой сруб, огороженное пространство с очагом либо алтарем — местом обитания духов предков и местом их почитания; поэтому имеет широкое распространение.

Четырехкратное повторение этого узора выражало представление древнего человека о пространстве, которое его окружало, о четырех сторонах света. Центральная композиция обрамлена бордюрами сверху и снизу, в которых зигзагообразные линии, а также треугольники, выражающие представление о горных цепях в горизонтальной плоскости мира. В другом варианте в этих частях крест — огонь и две вертикальные линии — потоки небесной воды. Как правило, центральная композиция разомкнута, две крайние фигуры не закончены. Незавершенность не есть просчет мастериц. Незавершенность в мифологии

всегда ведущая его фигура — ромб. Ромб и ромбический меандр являются символами жизненности и благоденствия.

Ученые считают, что ромботочечный узор (древний символ засеянного поля) имеет самое прямое отношение к свадебному обряду и быту молодой замужней женщины, а все в целом связано с магией плодородия. А полотенце — это один из атрибутов свадебного обряда, который обычно игрался осенью, когда убраны поля, т. е. собраны те точки-семена с поля-ромба.

Комплекс тканых узоров представляет собой фриз, состоящий из центральной широкой и двух узких орнаментальных полос; последние окаймля-

соотносится с представлениями о «начале» и «конце», с представлениями о продолжении жизни, вечности, бессмертии, т. е. всего того, что обеспечивает существование людей не только в настоящем, но и в будущем. Таким образом, узоры на концах полотенец донесли до нас архаичные представления о структуре мироздания и высветили само сакральное их значение. Полотенца, раздариваемые невестой при заключении брачных договоров, являлись маркировкой пространства и играли медиативную роль между людьми и сверхъестественными силами, с одной стороны, а с другой — между членами двух коллективов, вступающих в родство.

Конец полотенца, XIX в., село Нижне-Мартыново Казачинско-Ленского района

ЛИТЕРАТУРА

Изобразительные мотивы в русской народной вышивке: Каталог. — М., 1990.

Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки. — М., 1978.

Русакова Л.М. Образ мира в геометрическом орнаменте на полотенцах русских крестьянок Алтая. — Новосибирск, 1987.

Смоленские «украсы» // Юный художник. — 1988. — № 9.

REVIEW

Alexander D. Nazarkin. Ornament on the ritual towels of Russian peasants in Prilenye.

Weaving and embroidery of the archaic type are justly considered to be an outstanding phenomenon of Russian people's art. It is one of the important sources for revealing peculiarities of their creator's ancient outlook. In the article the author deals with the wall towels made at the end of XIX century and the beginning of XX century. The towels belonged to the old residents of Prilenye, who lived on the territory of Kazachinsk-Lensky district of Irkutsk region.

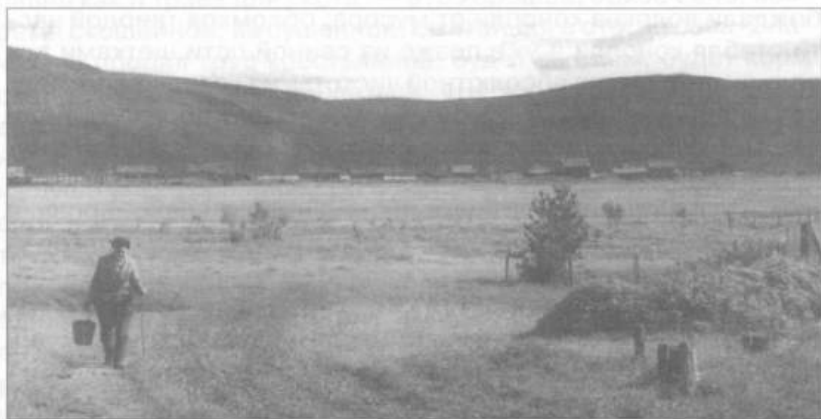
ЖИЗНЬ И ДУМЫ, ВСЕГО ПОНЕМНОГУ

Петр Иванович Лыхин

<...> 21/IV 96 г. Похоже, наконец, устанавливается теплая погода. Весна нынче затяжная. Раньше мужики вволю бы поработали в лесу на заготовке дров, успели бы привести в порядок сельскохозяйственный инвентарь, плуги, бороны, телеги, таратайки, лошадиную сбрую, навить веревки, сшить или привести в порядок свое рабочее обмундирование и прочее, прочее. Да мало ли в хозяйстве забот, и все надо содержать в порядке, в первой готовности к делу. Все сделать добротнo, надежно, чтобы при случае использовать в деле без всякой задержки. Страдное время не терпит прoстоев.

Обо всем должен был подумать хозяин своевременно, иначе не заслужит он доброй славы хозяина, не будет авторитета среди сельчан, не минуют его ни колкие насмешки, ни добродушное подтрунивание, ни добрые советы, одинаково унижающие достоинство хозяина. Чтобы не быть хуже других, все должно быть в порядке у мужика. Эти общие мерилa достоинства человека и заставляли тянуться нерадивых селян за передовыми, лучшими хозяйствами. Они и старались не умалять своего достоинства перед другими. Ожидать субсидий, подачек со стороны было не от кого, хотя в отдельных больших делах деревенское общество на сходке решало помочь всем миром мужику, не требуя с него платы за помощь. Правда, после исполнения дела хозяин выставлял угощение, благодарил людей как мог. Все было заранее спланировано, учтено, приготовлено мужиком — он и работник, он и царь, он и бог в своем хозяйстве. Сумел вжиться в крестьянском труде, быте вначале, в дальнейшем остается ему только наращивать свой достаток, свое благополучие на честь себе и доброе внимание соседей. Вот такие-то крепкие единицы сельского

Деревня Лыхина. Кирейский район Иркутской области. Фото Ю.П. Лыхина, 1971 г.

труженика и составляли костяк зажиточной деревни, а последние в свою очередь — крепкий костяк царской России. Кормил крестьянин себя и всю Русь и хлебом, и мясом, и овощами, создавал сырье для заводов и фабрик, обеспечивал дровами речное пароходство. Трудовое крестьянское лето проводил в поле от темна до темна, но зато, своевременно управившись с полевыми работами, с удовлетворением облегченно вздыхал, предчувствуя долгое зимнее безделье. Вся его работа зимой состояла прежде всего из следующего: обмолотить хлеб, приютить зерно в закромах, солому прибрать, сметать на сарае, дворе, замочить снопы конопли в озере. Весною отмоченную, просушенную коноплю мяли на самодельных деревянных мялках. Мялка похожа на опасную бритву с ее ручкой, установленную на землю своими разошедшимися в стороны крепкими корневищами. По сути, вырубалось с корнями не крупное дерево, в его стволе продалбливалась метровая щель, в ней закреплялся одним концом деревянный тесак (доска с вытесанной ручкой на другом конце). Мяли и выдывали коноплю обычно женщины по весне. Ложили посильные пучки конопли поперек прорези в мялке, одной рукою тянули коноплю на себя, другою ритмично подымали тесак за ручку вверх и опускали на пучок конопли, так под действием тесака переламывали стебли конопли на мелкие отрезки, а после ударами пучка все о ту же мялку осво-

бождали волокна конопли от мусора, обломков твердой части стебля конопли и уже позже из свиной ости щетками доводили волокна до абсолютной чистоты, из которых впоследствии пряли веревки, сучили нитки, ткали полотна, шили одежду, мешки и прочую домашнюю утварь, — это было с началом весны. Вся основная же работа мужика заключалась в том, что по зимнему пути нужно было вывезти сено, дрова, с чем при желании можно было справиться за один-полтора-два месяца. В зависимости от наличия в хозяйстве лошадей. В остальном оставался все тот же уход за скотом, ежедневно дать всем корм, своевременно напоить его. Каждый хозяин держал охотничью промысловую собаку. В октябре по обыкновению мужики уходили в тайгу на промысел пушного зверя, в основном за белкою, так и говорилось: «ушел белочить». Соболь был редкостью в то время.

28/IV 96 г. Производство весенне-летних работ деревенского труженика — это основа его жизни, а плоды его труда обеспечивают государство на спокойное существование и дерзание в других отраслях производства.

Работая с темна до темна на полевых своих работах, несмотря на тягость, недосыпание, мужик не сетовал на жизнь, не гневил бога, не ругался на царя-батюшку, на его порядки. Лишь бы не ломали его порядок жизни, не драли с него семь шкур в порядке обложения налогами его хозяйства. Он сам выбрал себе этот нелегкий путь, врос в него, умел справиться с трудом, находил время на отдых после беспросветного страдного труда в летнее время. Труд его в страду был утомителен и приятный сознанием сделанного. Пословица: «Страдный день зиму кормит».

Как не радоваться после утомительного труда, когда ярко срабатывает сознание: «Слава богу, теперь я обеспечен хлебом или кормом для скотины, или вовремя убранными (до снега, морозов) овощами». Это уже не труд — обмолотить вручную цепями по доброму морозу на залитом водою (по крепкому морозу) грунте в закрытом от снега и ветра току. Это уже не тягостный труд под жгучими лучами солнца. Это не спешка с уборкой вызревшего в колосьях зерна, тем более когда возникала угроза выпадания зерна из созревших колосьев. Это не спешка перед угрозой затяжного ненастья, когда убранный урожай может сгнить в суслонах или кладях,

равно как и трава для скота, — это хорошее, едкое сено, вовремя скошенное, высушенное, сметанная в стога трава. Значит, не пропал труд крестьянина, будет сыт сам, будет корм скоту. И как ему не радоваться, что бог помог ему вовремя справиться страду, и забыты им все тяготы страдного времени, благодаря которым он с честью справился с намеченным, на душе у него праздник! Он обеспечен на всю холодную зиму, спокоен за свой скот. Все будут сыты, довольны. Поэтому-то труд на току по обмолоту зерна, его провеивание на ветерке, приборка в закрома, сушка зерна на русской печи, помол на ближайшей мельнице — все это уже без спешки, с полным сознанием, что время терпит. С удовлетворением в душе перебирает пальцами зерно или муку в закромах, тревожась за их целостность: не загорело ли, не стало ли преть зерно в глубине ларя, не согрелась ли мука в середине своей массы, вот и перемешивает он свои запасы, радуясь их наличию, своему обеспечению на далекое будущее, прикидывает в уме, на сколько хватит, выкраивает, будет ли излишек, без этого нельзя — как знать, какое будет здоровье самого, семьи, какая будет весна, тихая, холодная, в последнем случае еще не околосившийся хлеб может погубить морозом. Ой, как пригодится тогда сохранившийся урожай прошедшего лета.

Была у мужика и тяжелая, утомляющая страда, была и радость жизни, жил он вольным соколом на лоне благодатной природы, чистой от осадков химии, благоухавшей чистотой и запахами окружающих жилью трав, озер, болот, хвойного леса, кустарниковых растений. Сам себе и царь, и бог, хозяин своего бытия, благополучия.

У каждого мужика была желанная мечта создать работающую семью. Чем больше рабочих рук в семье, тем легче, быстрее он справится с неотложными работами в поле, будет кого и оставить взамен себя при хозяйстве в случае, если придется отлучиться на сторонние заработки. Веселее, надежнее взирать на семью за столом, радостнее глядеть на воистую семью на работе. Хорошую, трудовую семью большая беда обходит стороной, хуже крестьянину-одиночке, никто его не порадует, не обнаддежит. Унылый тяжкий труд без просвета тяжелым камнем давит на сознание.

Хлеб жали вручную серпами, связывали в снопы вязками из стеблей того же хлеба, ставили в суслоны. Обычно четыре снопа

ставились на головки (колосьями вверх) на землю пашни, пятый сноп шапкою одевался сверх первых четырех, таким образом предохранял зерно от влаги.

Пахотную землю чередовали, один год или два засевали зерновыми культурами, в другой раз садили картофель или пускали под пар. Земля отдыхала, набирала силу и снова гожалась под посевные — зерновые культуры. В последние годы перед коллективизацией крестьянских хозяйств некоторые крестьяне обзавелись посевным горохом, тоже хорошая культура, обогащает почву азотом.

С ранней весны крестьянин ходит на свои (отведенные в разных местах пахотного поля) участки земли, следит за их готовностью принять зерно для прорастивания. Надо чтобы земля была в меру влажной, не слишком сырая, а хуже если просохла, потеряла влагу, тогда зерно залежится в земле, поздно взойдет и может с недозрелым колосом попасть под первые осенние заморозки, и пропал труд крестьянина. Хорошо, если земли и посевного зерна у него достаточно, то выручит урожай на других участках, а нет, то беда — ни съедобного зерна на семью, ни посевного фонда для будущей весенней посевной. Вот и бродит хозяин от одного своего пахотного клена до другого. Все учтет, все вымеряет и засеет зерно в самую пору в землю и будет позже продолжать ходить на пашню, наблюдать за всходами, радоваться, если они будут дружные, пропалывать сорную траву, беречь от ранних возможных заморозков, приготовит на всякий случай по краям своего клена кучи хвороста сухого вперемешку с сырым, чтобы погуще стлался дым над его пашней, продвигаемый попутным ветерком.

Возможные похолодания в ночное время определялись крестьянами по опыту прошлых лет. Особенно они бывают после ненастья. Тут уж вся деревня, как улей, встревоженно гудит, каждый заботливый хозяин ранним утром дежурит возле своего участка земли. Обычно для земель деревень Лыхиной и Беренгиловой было опасно течение холодного воздуха со стороны северо-запада, по руслу речки Мостовки. По какой-то причине и дождь обычно приходил на расположение деревни Лыхиной с этой стороны, и ранние заморозки также спускались на поля отсюда же. Погоду определяли по нажитому с годами опыту, а первым помощником у крестьянина был еловый барометр — это

отрезок елового нетолстого ствола длиной с полметра с отходящим от него сучком тоже не длиннее 40–50 сантиметров. Такой барометр прибавался гвоздем к столбу или заплоту в недосягаемом для дождя месте, скрытый сверху крышей сарая, завозни и других подобных мест. В установившуюся добрую погоду сучок отчеркивался с одной стороны карандашом на столбе или стенке сарая и при любом намечившемся изменении погоды заранее показывал о наступающем «вёдре» или дожде или, другими словами, показывал наступление доброй или дождливой погоды. <...>

Об авторе: **Пётр Иванович Лыхин** — ленский уроженец, родился (в 1919 г.) и вырос в деревне Лыхино Киренского района Иркутской области. В 1930-х гг. покинул деревню, учился в Якутске, где получил среднее специальное образование; затем война и служба в армии (в тылу). После войны ярким жизненным эпизодом стала работа в Советско-Дунайском пароходстве — плавание по р. Дунаю, посещение Румынии, Югославии, Венгрии, Чехословакии. С начала 1950-х гг. жил в Бодайбинском районе Иркутской области, работая экономистом, нормировщиком, инженером по труду и заработной плате. После выхода на пенсию в 1974 г. уехал из Сибири, жил в городах Тирасполь (Молдавия), Геничesk, Черновцы (Украина), Шакай (Литва). В 1992 г. вернулся в Иркутск. В течение 1994–2001 гг. написал ряд воспоминаний о себе и своей жизни, «о быте, верованиях, труде и отдыхе жителей сельской местности долины реки Лены». Небольшой отрывок из них и предлагается вниманию читателей в этом номере.

Публикация Ю.П. Лыхина

REVIEW

Petr I. Lykhin. Life and thoughts. A little of everything.

A short extract from reminiscences about life, labour and rest of peasants population in the valley of the Lena river, written by a Lensk native who was born and brought up in the village of Lyhina of Kirensk district, Irkutsk region.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА И НАРОДНОГО ИСКУССТВА «МАЛЫЕ КОРЕЛЫ»

Юлия Владимировна Феликсова,

заведующая просветительским отделом
Архангельского государственного
музея деревянного зодчества и народного
искусства «Малые Корелы»

В 25 километрах от Архангельска, на правом берегу Северной Двины, около деревни Малые Корелы вознеслись к небу купола древних рубленых храмов и колоколен, разметали крылья ветряные мельницы, гордо выгнули шеи кони над тесовыми крышами жилых и хозяйственных построек.

140 гектаров занимает Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства — уникальное собрание памятников деревянной архитектуры, живая повесть о быте и ремеслах северян.

В музее планируется создать шесть секторов, каждый из которых должен отразить определенный тип крестьянских поселений, характерных для бассейнов самых крупных рек Архангельской области.

План-схема музея «Малые Корелы»

Вознесенская церковь из села Кушерека Онежского района Архангельской области. 1669 г.

Так, в Каргопольско-Онежском секторе, с которого начинается знакомство с музеем, произведена планировка поселения, когда усадьбы расположены вокруг площади, где стоят Вознесенская церковь 1669 года и колокольня из села Кушерека. Центром любой усадьбы является дом. Суров климат на Севере, и потому под одной крышей объединены жилые и хозяйственные помещения, а избы поставлены на высокий подклет.

Мезенский сектор представляет архитектуру северо-востока области. Селения здесь располагались по высоким обрывистым берегам реки. Чтобы укрепить их, рубили подпорные стенки, на них делали деревянный настил. На эти своеобразные набережные стави-

ли амбары, ледники, а ближе к воде — бани.

Наиболее часто на Мезени встречались дома-шестистенки. Главное украшение дома — крыльцо на витых и резных столбах с ажурной декоративной отделкой, перекликающейся с резьбой наличников и причелин.

Между Мезенским и Пинежским секторами — деревушки из небольших изб, амбарчиков и колодца-журавля. Это сезонное поселение Хорнемское с верховьев реки Пинеги. Жили в нем летом в период сенокоса или во время рубки леса.

В Пинежском секторе отражена архитектура бассейна Пинеги, самого крупного притока Двины. Здесь избы поставлены лицом к солнцу, «в порядок». Перед домами или чуть в стороне — амбарный городок на высоких столбиках-стойках, по которым не могли бы забраться грызуны, и бани.

Самый большой и разнообразный в архитектурном отношении — Двинский сектор. Тут представлены памятники с огромной территории Подвинья. На центральной площади — Георги-

евская церковь XVII века из села Вершина Верхнетоемского района. В церкви восстановлен остов иконостаса, выполненный в стиле барокко. Вокруг церкви — дома двинских крестьян разного достатка.

Своеобразный и неповторимый облик музею придают ветряные мельницы. Всего их семь. Тут и мельницы-столбовки на «ряже», на «раме», на «стойках», и мельницы-шатровки.

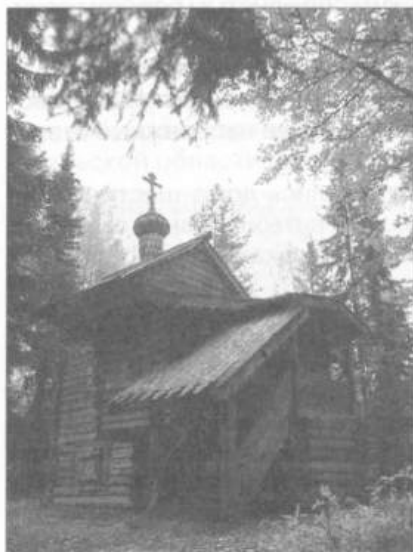
С 1975 года в музее действует необычная экспозиция — «Звоны Северные». Во время фольклорных праздников,

Колокольня из деревни Кулига Дракованово Красноборского района Архангельской области. Конец XVI — начало XVII в.

когда звучат некоторые песни и сказки, когда расцветаются музей яркими красками старинных костюмов, далеко окрест слышны традиционные северные звоны, перекликающиеся с веселым звоном бубенцов под дугой лошадей.

В музее посетители могут принять участие в играх, забавах, с ветерком прокатиться в санях, запряженных рысаками, отведать шанег и блинов с горячим чаем. И все это на фоне уникальных памятников народного зодчества и прекрасной северной природы.

Троицкая часовня из деревни Вальтево Пинежского района Архангельской области. Начало XVIII в.

К ВОПРОСУ ОБ ЭКСПОЗИЦИОННО- ВЫСТАВОЧНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ (ИЗ ОПЫТА НИЖНЕУДИНСКОГО МУЗЕЯ)

*Алексей Викторович Кривдов,
главный хранитель Нижнеудинского
районного краеведческого музея,
Иркутская область*

На протяжении долгого времени музеи существовали как некая самоценность, отстраненная от действительности. Находясь в мире, обремененном современными проблемами, музей, являясь хранилищем прошлого, был как бы вне времени. Основная его деятельность была направлена в себя. В музей шли увидеть застывшее и припиленное булавками время, и сам музей воспринимался в обществе как нечто устоявшееся, неизменное.

Сегодня постепенно приходит осознание, что музей, находясь в реальном мире, среди реальных проблем, не может не реагировать на действительность. Музей, обладая обширным историческим материалом и являясь хранителем богатого исторического опыта, может и должен активно включаться в современную жизнь. С помощью как традиционных, так и качественно новых форм работы музеи должны активно взаимодействовать с окружающей их средой, активно налаживать внешние коммуникации.

Коммуникация со средой, в которой находятся музеи, может быть разной. В последнее время музеи все чаще начинают использовать как средство общения, диалога с обществом, какое-либо яркое, масштабное событие. В качестве свежего примера можно привести фестиваль «Озерных людей» в городе Улан-Удэ, где инициатор фестиваля Музей природы Бурятии попытался к таким важным проблемам, как экология природы и экология духа, привлечь внимание максимально большего количества людей с помощью новых культурных технологий. Тем не менее стержнем фестиваля в Улан-Удэ, на который нанизывалось все остальное, был конкурс музейных экспозиций. И это говорит о том, что показ музейного предмета остается на сегодняшний день важнейшим средством коммуникации.

Экспозиции в наших музеях в большинстве своем если и воз-

действуют на посетителя, то воздействуют своим однообразием многообразных предметов. Считается, что чем больше выставлено предметов из коллекции, тем лучше раскрыта тема, чем точнее соблюдены традиционные правила структурирования экспозиции, тем понятнее она будет зрителю. Но шаблонность оборачивается другой стороной. Сотрудник одного из музеев сетовал, что у них выставлена богатая археологическая коллекция с массой интереснейших предметов, в экспозиции много полезного информационного материала и описаний, а посетитель проходит, скользая взглядом по предметам, и в душе его ничего не остается. Кто виноват в этой ситуации? Непонятливый посетитель? Или все музей, который изначально дистанцирует экспозицию от зрителя, заставляя их существовать в параллельных мирах?

Возникает, по сути, парадоксальная ситуация — создавая экспозицию для людей, по факту музей создает ее для себя. Искусствовед из Вены Дитер Богнер в одном из своих выступлений высказал мысль, что критерием оценки работы музея должно быть не количество посетителей, а время, проведенное ими в музее. Но для того, чтобы посетитель задержался в музее и не проходил сквозь залы, «скользя взглядом», необходим диалог между зрителем и экспозицией, необходимо, чтобы экспозиция была не для всех, но для каждого. Посетителю не нужна пережеванная информация, для него нужен исходный толчок, который заставит включить воображение, заставит задуматься, найти новые смыслы и что-то понять для себя. Не надо работать с массой, надо работать с личностями.

Опыт Сибирских музейных мастерских, организованных Ассоциацией Открытый Музей (АОМ), показывает, что ситуация может кардинально меняться, когда происходит отход от стереотипов, когда музейную экспозицию и музейную выставку начинают создавать, основываясь на новых подходах к социокультурному проектированию, когда «художественность рассматривается как высший вид целесообразности, красота — как показатель ценности и полезности решений, художественный замысел — как ценностное содержание проекта, а его выражение в виде художественного концепта, программы, объекта — как одна из первых и наиболее важных процедур» (Генисаретский О.Г. Деятельность проектирования и проектная культура. Предисловие к неизданной книге о проектной культуре 1994 г.).

Знакомство нашего музея с современными подходами к экспозиционно-выставочному проектированию началось с мастерской АОМ «Музейный квартал» в г. Зеленогорске. Эта мастерская активизировала то, что в нашем музее уже витало в воздухе, но тормозилось в силу разных причин, в том числе и консерва-

тивности внешней среды. Зеленогорск показал, что важно не только «что», но и «как». Показал, насколько сама организация экспозиционного пространства может усиливать воздействие экспонатов на зрителя. Что определенное экспозиционно-художественное решение способно создавать особую атмосферу выставки, которая побуждает не только созерцать, но и чувствовать, размышлять, думать. Что на обычные вроде бы темы можно посмотреть совсем с другой стороны.

Впечатления от Зеленогорской мастерской (в сочетании с собственными задачами и целями) повлекли за собой появление в нашем музее выставки «Письмо с фронта». Выставка создавалась к 9 мая и входила в число так называемых обязательных выставок. Такие выставки проходят каждый год, они традиционно построены и неинтересны. На этот раз мы решили несколько изменить подход к теме. Ход наших рассуждений основывался на том, что в современном сознании все участники Отечественной войны, как вернувшиеся домой, так и оставшиеся на полях сражений, облечены ореолом героизма и подвига, за которым уже и не виден сам человек. Но это обыкновенные люди, из обычной среды, выдернутые войной из своего личного мира. Письма же с фронта позволяют прикоснуться к личным чувствам, переживаниям, мыслям человека на войне, порой совершенно обыденным и этой своей обыденностью только усиливающим понимание всего трагизма войны и истинного героизма простого солдата.

Идея взять за основу выставки фронтное письмо повлекла за собой много вопросов. Ни для кого не секрет, что при традиционном экспонировании письма посетителями не читаются и воспринимаются как простая форма без содержания. Как показать письма, чтобы главным выступило содержание, как сделать, чтобы содержание и форма писем определили и наполнили собой экспозиционное пространство, как организовать это пространство, чтобы добиться максимального воздействия на посетителя на чувственном уровне?

Решение было довольно простым. Часть писем была сканирована, увеличена, отпечатана на цветном принтере и размещена на «глухих» стенах небольшого «камерного» зала. Они наполнили выставку содержанием (естественно, очень важным моментом был отбор писем и отдельных фрагментов из них. Содержание писем должно было отвечать задачам выставки).

Из других писем были взяты отдельные строки, абзацы и нанесены черным маркером на кальку. Кальку с надписями свесили сплошной стеной от потолка до пола перед окнами и межоконными простенками, а за ней, на просвет, «летели» пули и «падал» артиллерийский снаряд. Создалась «призрачная» часть вы-

На выставке «Письмо с фронта»

ставки. В дополнение к ней в центре зала были натянуты между полом и потолком три полосы той же кальки, расположенные под углом друг к другу таким образом, что между ними можно было свободно ходить. На полосах были прочерчены силуэты людей в военной форме. Между ними на высоте чуть выше среднего роста висели две каски — русская и немецкая, лоб в лоб.

Эффект от такого решения оказался довольно интересным.

Калька, прикрывшая окна, создала мягкое приглушенное освещение. Подсветка отдельных элементов выставки расставила дополнительные акценты. От малейшего движения воздуха колыхались силуэты в центре зала. Каски своей грубой материальностью, усиленной их одиночеством в зале как естественных вещественных экспонатов, подчеркивали призрачность этих силуэтов. Слова из писем на кальке, с летящими за ними пулями и снарядам, казалось, проецируются в наше время из прошлого в самый момент их написания.

Вся организация экспозиционного пространства способствовала возникновению неких обобщенных образов людей, пишущих письма с фронта, и их адресатов. Образов не материальных, а как бы витающих рядом. Их не видно, но они почти физически осязаемы.

Посетители с интересом читали письма и охотно откликались на предложение сделать свою запись с ответом на вопросы: «Что для вас война?» и «Что для вас мир?».

В частности Зеленогорская мастерская дала для нас новый

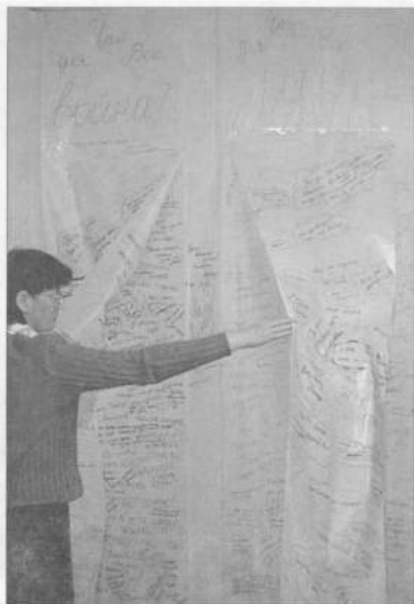
материал — кальку. В целом — впечатления о четырех выставках как о выставках-образах.

Эти впечатления повлекли за собой появление в нашем музее и другой выставки — «О чем вещи молчат». В выставочный план музея она была включена в начале 2000 года, еще до Зеленогорской мастерской, и виделась как представление предметных рядов по принципу заставок НТВ «Вещи века». Но семена «Музейного квартала» уже проросли, и, когда в январе 2001 года мы начали вплотную разрабатывать концепцию выставки, родилась идея перемешать все предметы, превратив выставочный зал в некую «кладовую» или «чулан», где свалены «ненужные» вещи, другими словами, создать организованный хаос.

Когда основная часть предполагаемых для экспонирования предметов была расставлена по залам (естественно, в таком открытом виде особо ценные предметы не выставлялись), оказалось, что вещи разных периодов и функциональных назначений прекрасно между собой сочетаются. И если от одной группы экспонатов что-то отнять, а к другой добавить, то получаются довольно любопытные конструкции, наполненные глубоким внутренним смыслом. В процессе стихийно возникшего коллективного мифотворчества каждый из нас стал создавать свои образы XX века из разных групп экспонатов, вкладывая в них свое содержание, свое ощущение, свое понимание.

Выставку назвали «О чем вещи молчат», подразумевая, что вещи — молчаливые свидетели прошлого, но при определенных способах показа они могут вступать в диалог со зрителем — «разговаривать». Действительно, созданные нами конструкции были довольно красноречивы и вызвали у посетителей множество ассоциаций. Но необходимо было наладить обратную связь между посетителем и выставкой.

Каждая композиция получила свое название («Дорогая, Марк Шагал на проводе», «Депутат-рабочий, или Чай — самый демократичный напиток всех времен и народов», «Новогоднее обращение

На выставке «Письмо с фронта»

Фрагмент экспозиции выставки «О чем вещи молчат»

президентов», «Охота пуще неволи», «Дама с горностаем» и т. п.). Для посетителей были подготовлены листы бумаги, маркеры, кнопки, скотч и было предложено дать свои варианты названий в зависимости от вызванных у них той или иной композицией ассоциаций. Уже через неделю после открытия выставки была исписана вся подготовленная бумага, и мы получили массу интересных подписей и различных вариантов названия выставки, которые показали, насколько интересно и своеобразно воспринимают все увиденное горожане. А созданные посетителями тексты тем временем сами стали частью выставки, причем достаточно привлекательной для других посетителей.

В результате экспозиционно-художественного решения, которое было нами найдено, состоялась выставка, построенная

на ассоциативных образах: выставка-образ. С другой стороны, мы получили возможность выставить такие предметы, которым при традиционном построении просто не нашлось бы места. Зритель же не только имел возможность задуматься над предложенными ему образами и принять участие в их текстовой интерпретации, но и при желании получить информацию об истории, назначении, бытовании любой привлекшей его внимание вещи.

Эти две выставки нашего музея, внешне противоположные и по содержанию, и по способам экспозиционно-художественного решения, основываются на впечатлениях от увиденного, услышанного и практически сделанного в музейной мастерской в городе Зеленогорске. Причем здесь не имело место слепое копирование. Новый подход к проектированию тем и хорош, что исключает тиражирование продукции по образцу. Здесь образцы не задаются, но происходит знакомство с набором инструментов, использование которых позволяет создавать сугубо индивидуальные проекты.

Для нас очень показательным стал эффект, который произве-

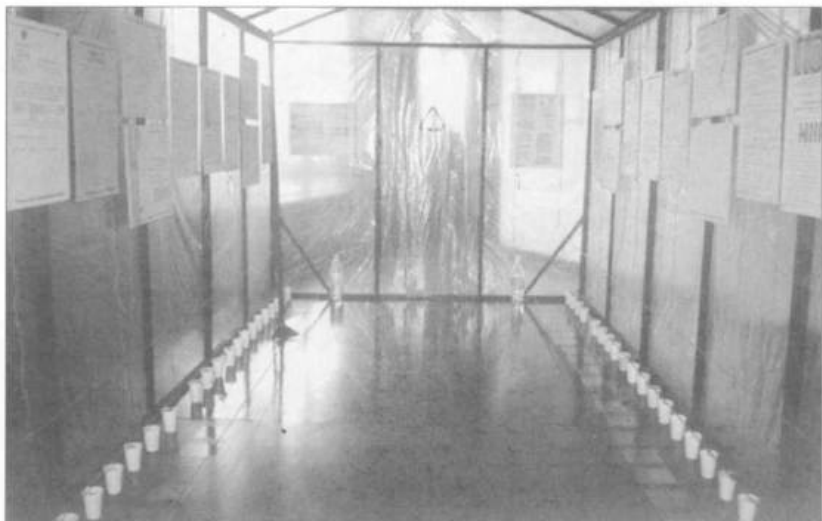

Фрагмент экспозиции выставки «О чем вещи молчат»

ли наши выставки. Во-первых, по статистике посещений за последние два года они оказались самыми посещаемыми. Во-вторых, наверное, впервые в нашем музее действительно произошло неформальное общение зрителя с выставкой. Мы наблюдали, как подолгу и внимательно читают письма с фронта школьники, открывая для себя совсем другую войну, не ту, с которой они знакомы по учебникам, как люди вдруг обнаруживают в композициях, посвященных XX веку, свои смыслы и дают им оригинальные и точные определения. На этих выставках не было экскурсовода в обычном понимании, когда зачастую идет односторонняя связь — один говорит, другие слушают. Здесь посетители и экскурсовод становились собеседниками. Иногда возникали целые диспуты, к которым присоединялись другие сотрудники музея.

По реакции посетителей нам стало ясно, что человек, приходящий в музей, нуждается не в простом созерцании музейных предметов, а в активном участии в процессе осмысления тех событий и явлений, которые представляют эти экспонаты.

Размышления в этом направлении привлекли нас к двум выставочным проектам, один из которых был представлен на IV Красноярской биеннале и именовался «Парник», а другой, «Мастер Кастарма», участвовал в фестивале «Озерных людей» в городе Улан-Удэ.

Фрагмент экспозиции выставки «Парник»

«Парник» — образ некой «парниковой системы», существующий вне зависимости от того или иного государственного устройства. Эта выставка задает вопросы: «Кто мы? Кем мы себя ощущаем в обществе? Свободны ли мы по крайней мере внутренне?». Перед зрителем с помощью эффективного художественного образа ставится проблема для самостоятельного решения, для собственного поиска ответов внутри самого себя.

«Мастер Кастарма» ярко показывает конфликт созидательных сил природы и человека и заставляет людей под воздействием обычного кирпича и природных образований — кастарминских камней, превращенных в цельный художественный объект, посмотреть по-новому на проблемы экологии природы и экологии духа.

Опыт многочисленных музейных событий, происходящих в последнее время в разных уголках России, показывает, что подходы к музейному проектированию начинают коренным образом меняться. И в первую очередь это коснулось музейной выставки, поскольку она является более гибким и динамическим элементом музейной работы. В рамках выставочного проекта создается простор для экспериментирования, поиска новых методов подачи музейного предмета, проявления принципа индивидуального подхода к теме. Это очень важно, так как наиболее удачные инструменты, найденные в ходе этого процесса, начинают затем применяться при проектировании постоянных экспозиций.

Возвращаясь к началу статьи, хочется заметить, что однооб-

На выставке «Мастер Кастарма»

разность музейных экспозиций, создаваемых на основе однажды разработанной методики, была связана с общими подходами к проектированию, как в научно-технической, так и социокультурной сфере. Принцип матрицы позволял по единому образцу создавать массу однородных вещей, что в экономике вело к удешевлению продукции.

Но в современных условиях все шире распространяется понимание, что массовость несет с собой усредненность. Усредненность же ограничивает и тормозит развитие общества, снижает экологическую и эстетическую ценность жизненной среды. Необходима индивидуализация каждого отдельного элемента этой среды. Смысл новых технологий, связанных с проектированием, не в предоставлении абсолютного образца для тиражирования, а в воспроизводимости *результатов* технологизируемой деятельности, в многократном ее повторении в разное время разными людьми (Генисаретский О.Г.).

В музейном деле, в музейном проектировании пора отходить от шаблонов. Музейные выставки и экспозиции должны решать задачи воздействия на культурную среду, искать и пробуждать новые смыслы, активно работая с пространством и образом, используя художническое самосознание и индивидуальный подход.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ МУЗЕЙ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА «МАЛЫЕ КОРЕЛЫ». ОБЗОР ПРОБЛЕМ

*Николай Николаевич Уткин,
главный архитектор Архангельского
государственного музея
деревянного зодчества и народного
искусства «Малые Корелы»*

Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» официально ведет свою летопись с 1973 года, хотя первый памятник перевезен на его территорию в 1968 году. Название «Малые Корелы» происходит от расположенной поблизости деревни и небольшой речки Корелки.

История его создания полностью соответствует общей тенденции, которая возобладала в России (бывшем Союзе) в послевоенные годы. Однако если в условиях Новгородской, Ленинградской областей и Карелии она была достаточно четко аргументирована, в Архангельской, по-видимому, следовало разработать особый план сохранения памятников деревянного зодчества.

К такому выводу приходишь, сравнивая общеевропейскую тенденцию образования музеев деревянного зодчества под открытым небом с практикой их создания в указанных выше областях России. Так, создание музея «Витославицы» около Новгорода было своевременным и очень уместным ответом на вопрос времени, потому что в нем были сохранены и реставрированы те немногие шедевры, которые остались после войны на Новгородчине. В Ленинградской области просто отказались от создания структуры музея под открытым небом, сохранив памятники деревянного зодчества на своих местах. Карелия создавала музей под открытым небом на основе сохраняемого на своем исконном месте ансамбля культового деревянного зодчества на острове Киж.

Почему же сейчас, когда создан едва ли не самый крупный в России и Европе музей под открытым небом «Малые Корелы» под

Архангельском, снова назрела потребность в серьезном разговоре о сохранении памятников деревянного зодчества в Архангельской области? Причин этого несколько. Так уж исторически сложилось, что именно здесь сохранился основной массив культового деревянного зодчества, о котором принято говорить как о наследии Русского Севера. Такому положению вещей во многом способствовали особые условия. Во-первых, на территории Архангельской области не происходило непосредственных боевых действий. Во-вторых, огромное значение здесь имел природно-географический фактор (удаленность от благоприятного климатического пояса Среднерусской равнины), оказавший влияние на характер человека и уклад его жизни. В-третьих, вследствие вышеизложенного, уже к середине XIX века территория Русского Севера была средоточием культового деревянного зодчества, тогда как повсеместно ему на смену приходило каменное.

Таким образом, идея создания Архангельского областного музея деревянного зодчества возникла в условиях, когда не было экстренной необходимости в спасении от гибели уникальных памятников — их было достаточно, и на многих из них можно было ограничиться не очень значительными ремонтно-реставрационными работами. Действительно, так и было в начальный период формирования музея «Малые Корелы», когда на памятниках области работы шли не менее интенсивно. Однако к середине 1980-х годов стало очевидно, что делом первостепенной важности является строительство музея деревянного зодчества. В сознании многих людей он становился не только олицетворением, но и заменой такого понятия, как деревянное зодчество Русского Севера. При этом не следует забывать, что это было время горьких и невозполнимых утрат уникальных культовых памятников государственного значения, которые не только не удалось спасти, но и достаточно подробно исследовать.

Попробуем теперь посмотреть на проблему формирования музея деревянного зодчества «Малые Корелы» в свете изложенного. Как известно, генеральным планом музея «Малые Корелы», разработанным московским институтом «Спецпроектреставрация» и утвержденным в 1975 году Архангельским облисполкомом, предусматривалось формирование шести секторов: Каргопольско-Онежского, Северо-Двинского, Пинежского, Мезенского, Важского и Поморского. Каждый из них по замыслу авторов должен был представлять особый архитектурно-этнографический

образ поселения, наиболее характерный для соответствующей местности (региона). Между тем по мере воплощения идеи формирования музея цель, поставленная и поддержанная в научных кругах, пришла в противоречие с самой жизнью. Какие бы благородные цели ни ставились, создание музея под открытым небом не могло восполнить даже малой доли того разнообразия, которое было вокруг. Именно поэтому на многочисленных научных советах постоянно поднимался вопрос о формировании помимо собственно структуры музея системы его филиалов, включающих памятники деревянного зодчества, сохраняемые на своих местах. Первым филиалом стал уникальный деревянный шатровый храм конца XVI века в селе Лявля (Приморский район Архангельской области). Однако, несмотря на хороший почин, работы в этом направлении в последние десять лет замедлились.

После периода относительного благополучия, когда Архангельский музей активно строился (1973–1987 гг.), наметился резкий спад производства, и к 1991 году перевозка памятников деревянного зодчества была полностью прекращена. Перестройка, провозглашенная в 1985 году, к началу 1990-х обернулась тяжёлым экономическим кризисом. В этот сложный момент, когда многие учреждения культуры претерпевали структурные изменения, из-за чего специалисты в области реставрации стали уходить, Архангельский музей отстоял свои позиции одного из ведущих научно-исследовательских учреждений в сфере сохранения и реставрации деревянного зодчества Архангельской области. С 1998 года он перешел с областного на федеральный уровень подчинения, что способствовало сохранению кадров, оживлению внутренней и внешней деятельности музея.

Время экономического спада не прошло для музея даром. Это был период усиленной работы над тем, что возможно было сделать собственными силами, время поиска и раздумий. Именно в 1990-е годы оживилась работа в сфере обслуживания посетителей, в сфере благоустройства территории, ухода за лесами, ремонта-реставрации, а порой и откровенной консервации перевезенных памятников (многие стояли уже по 20 и более лет) деревянного зодчества. Кроме того, в музее стали регулярно проводиться праздники отдыха, большая роль среди которых отводилась народным обрядам зимне-весеннего цикла.

Одним из выдающихся достижений этого времени была деятельность по организации филиалов. Новый подход к этой про-

блеме проявился после завершения реставрации церкви Дмитрия Солунского XVIII века (автор А. В. Попов) в селе Верхняя Уфтуга (Красноборский район Архангельской области). Тогда музей организовал здесь масленичные гулянья с колокольными звонами и играми. Это мероприятие было встречено с энтузиазмом районными и поселковыми властями и конечно самими поселянами. Еще дважды такие праздники устраивались в селе Вохтома Коношского района.

Вывод, который напрашивается из этого опыта, состоит в том, что Музей просто обязан осуществлять такую подвижническую деятельность, которая бы помогала любому социуму вспомнить, если хотите, вновь осознать себя, свои корни. Естественно, что такая деятельность может и должна осуществляться лишь в местах, где сохранились не только уникальные единичные памятники, но и живая поселенческая структура, вместе образующие сакральную точку охраняемого культурного ландшафта.

Сейчас, после почти десятилетнего перерыва, музей вновь возвращается к осмыслению этой проблемы. Правда, условия и возможности несколько изменились и, что обнадеживает, в лучшую сторону. Анализируя опыт прошлых лет, когда музей формировался за счет перевозимых памятников, приходишь к выводу о полной экономической несостоятельности подобных операций в наше время. О возведении отдельных, функционирующих по полной программе построек из нового материала (так называемых научных реконструкций) стоит подумать. Однако наиболее целесообразным музей считает включаться в жизнь социума, предварительно определив значимость расположенных на его территории уникальных объектов деревянного зодчества.

Отказываясь от прежде существовавшего глобализма, который отчасти имеет московскую прописку (институт «Спецпроектреставрация»), музей считает более правильным проводить политику «малых», но обдуманых и взвешенных шагов. К числу таковых, например, музей относит возможность продолжения работы над Поморским сектором, который, как известно, был только намечен к разработке генпланом. Неотъемлемой составной частью этой работы должно стать оживление научно-исследовательской, проектной и производственной реставрационной деятельности на территории Поморья, где сохранились уникальные памятники деревянного зодчества (Заостровье, Ляля, Нёнокса, Конецдворье).

ОСКОЛКИ АРХИТЕКТУРНОГО КОНТИНЕНТА *

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОХРАНЕНИЯ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

*Вячеслав Петрович Орфинский,
академик, профессор, директор
филиала Московского НИИ
архитектуры и градостроительства,
г. Петрозаводск*

Вопрос о подлинности сохраняемых (консервируемых) или воссоздаваемых заново памятников архитектуры и исторически сложившихся фрагментов городской и сельской среды обитания в целом ныне становится одним из ключевых в отечественной и мировой научно-реставрационной практике и теории. Недаром обсуждению этого вопроса посвящен ряд российских и международных совещаний. Пример первых — проведенное Российской академией архитектуры и строительных наук (РААСН) в рамках «Академических чтений» 1997 г. в Москве обсуждение проблемы воссоздания утраченных памятников архитектуры, пример вторых — уже упомянутый симпозиум 1999 г. Подводя итоги московского совещания, вице-президент РААСН А. Иконников, в частности, отметил: «Проблема не нова. Ее поднимали неоднократно и в XIX в., и в нашем столетии. Отношение к ней складывалось по-разному в разных ситуациях, в зависимости от меняющихся систем ценностей и исторического сознания. Нет единства мнения у профессионалов реформируемой России 1990-х гг. Решение принимает начальство — убежденность в том, что бюрократия (как «большой брат» из «1984 года» Оруэлла) всегда «знает лучше», — одна из немногих древних традиций, не поколебленных, но укрепленных советской властью. Массовое сознание не сомневаясь принимает идею вновь создаваемой старины; ему уже прочно привито представление: что угодно можно уничтожить, а потом создать заново, не теряя при этом подлинности, — дали бы на это денег...» И далее: «Проблема «воссоздания утраченных памятников» или «создания новоделов», как называет ее значительная часть профессионалов-реставраторов, — попала сегодня не только в эпицентр дискус-

* Начало в № 1 (13). Печатается по тексту, опубликованному журналом «Север» (1999. — № 11. — С. 97–106).

сий о судьбах культурного наследия России, но и в число острых вопросов градостроительной практики становления российской архитектуры на пороге XXI в.». Убедительное подтверждение тому — архитектурные ландшафты постсоциалистической Москвы с воспроизведениями сооружений XVI, XVII, XIX вв.

На аналогичном московском совещании в Новгороде, анализируя причины появления «новоделов», М. Мильчик отметил, что «воссоздание древних сооружений характерно прежде всего для авторитарных обществ с их неуважительным отношением к подлинности и заинтересованностью в идеологическом оправдании существующего режима». (В подтверждение справедливости этого высказывания можно привести многочисленные примеры «романтизированных» послевоенных реставраций, тенденциозно «приукрашивающих» восстанавливаемые памятники архитектуры.)

Но у новоделов есть адвокаты среди профессионалов. Один из них — член-корреспондент РААСН Ю. Ранинский, заявивший на «Академических чтениях»: «До сих пор нет точных подсчетов, какого художественного богатства мы лишились в те злополучные предвоенные годы. В глубине нашей страны, на Урале, в Сибири, на Волге, гремели взрывы, падали на землю золоченые кресты... В Костроме, в Вологде, многих других городках были уничтожены десятки церквей и стройных колоколен. Что это значит? Это означает, что исчезли не отдельные страницы, а целые тома нашей архитектурно-строительной истории...

В этих условиях вопрос «Воссоздавать или не воссоздавать» звучит во многом риторически. Воссоздание хотя бы трети из числа разрушенных будет подвигом московских строителей...»

С резкой критикой практики воссоздания заново полностью утраченных сооружений выступил член-корреспондент РААСН С. Подъяпольский. Открывая дискуссию на «Академических чтениях», он заявил, что такая практика оправдывается «возвращением к историческим истокам нашей культуры», но на деле оборачивается «деградацией сохранившегося историко-культурного наследия, когда уцелевшие памятники архитектуры не поддерживаются из-за отсутствия средств либо грубо искажаются их новыми хозяевами (чаще всего вновьявленными коммерческими структурами)... Таким образом, — резюмировал С. Подъяпольский, — создание «лжепамятников» происходит за счет памятников истинных». И хотя вполне понятна реакция общества «на вандализм тоталитарного режима по отношению к национальному культурному наследию», но нельзя, «чтобы эта реакция выливалась в уродливые формы и проводилась в жизнь теми же тоталитарными методами. Очевидно, что процесс, час-

тично возникший стихийно, а частично направляемый сверху, должен быть глубоко и ясно осознан обществом».

Об одной из причин появления новоделов уже говорилось выше со ссылкой на Ю. Ранинского. Ее условно можно назвать «позитивной», в противоположность другой причине, связанной со стремлением постперестроечных нуворишей строиться на престижных территориях в центрах населенных мест. Тенденция эта наиболее отчетливо проявилась в Москве и отчасти в Санкт-Петербурге, где обильные инвестиции способствовали крупномасштабному строительству. Вместе с тем именно эти территории подлежали историко-культурной регламентации, которая, впрочем, не являлась серьезным препятствием, поскольку имелась лазейка для преодоления градостроительных ограничений — трактовка реконструкции памятников как их приспособление для современного использования. Такое приспособление чаще всего осуществлялось путем сращивания реставрации и нового строительства или, называя вещи своими именами, «сноса с воссозданием»; что на практике приводило, в лучшем случае, к замене «ветхого» памятника его модернизированной копией, в худшем — к созданию сооружения, лишь отдаленно напоминающего оригинал и в основном predeterminedленного капризами заказчика, исповедующего принцип «хозяин-барин». Но в обоих случаях легкость воссоздания сочеталась с легкостью разрушения, порождая, по словам президента РААСН А. Кудрявцева, опасное ощущение вседозволенности.

Противоречивости в оценке воссозданий попытался разрешить основной оппонент С. С. Подъяпольского на «Академических чтениях»: советник РААСН, доктор архитектуры А. С. Щенков, убежденный, что оправданием создания новоделов может стать необходимость восстановления нарушенной целостности ведущих градостроительных ансамблей, а также утраченных сакральных ценностей и национальных символов при выполнении ряда обязательных условий, включающих: полноту информации о погибшем сооружении и обширный корпус аналогов, правдоподобно дополняющих недостающие данные; относительную непродолжительность временного интервала, разделяющего утрату и воссоздание сооружений; повторение традиционных технологий обработки поверхности воссоздаваемых объектов; минимизацию объема воссозданий.

«Все это», — по мнению А. Щенкова, — ограничивает сферу возможных воссозданий, но не исключает ее в принципе. Остаются для них по меньшей мере две области. Это, во-первых, уникальные, но хорошо документированные произведения, воссоз-

дание которых имеет большое общественное значение», и, во-вторых, «рядовые по художественному замыслу постройки, преимущественно поздние, по которым недостаток детальной информации компенсируется обилием аналогов и понятностью художественного мышления авторов изначального сооружения».

Позиция А. Щенкова, казалось бы, способна стать базой для конструктивного компромисса, но, к сожалению, только в сугубо теоретическом плане, поскольку на практике возникают трудно-преодолимые противоречия, связанные в первую очередь с субъективностью оценки обстоятельств, оправдывающих воссоздание утраченных памятников архитектуры. Тем более дискуссионным представляется «воссоздание» памятников сохранившихся.

В этом отношении характерна судьба Преображенской церкви в Кижях (1714 г.), включенной ЮНЕСКО в Список Всемирного культурного наследия. Необычайно широкая известность сказочного двадцатидвухглавого храма сделала его притягательным для специалистов-исследователей и реставраторов. Любые работы здесь стали необычайно престижными, что сыграло как положительную, так и сугубо отрицательную роль, обеспечивая, с одной стороны, постоянное внимание к памятнику государственных органов и общественности, с другой — стимулируя жажду самовыражения специалистов, порой заглушающую разумную осторожность и чувство ответственности за судьбу уникального памятника архитектуры и инженерного мастерства.

На протяжении своего существования храм неоднократно подвергался ремонтно-реставрационным работам, начиная с XVIII–XIX вв. Кратко остановлюсь на послереволюционном этапе его истории, основываясь на архивных изысканиях М. Витухновской.

В июле 1920 г. сооружения Кижского погоста (Преображенская и Покровская церкви и колокольня) были зарегистрированы в качестве памятников архитектуры и взяты под государственную охрану.

В августе 1926 г. на острове Кижы побывала экспедиция Центральных государственных реставрационных мастерских в составе И.Э. Грабаря (руководитель), П.Д. Барановского, Г.О. Чиркова и А.В. Лядова (фотограф), которая наметила программу сохранения памятников и организовала финансирование реставрационных работ. То и другое — наглядные иллюстрации работы российских ученых-интеллигентов, руководствовавшихся бескорыстной любовью к своему делу и благородным стремлением «не навредить». Примечательно, что в числе противоаварийных мероприятий предлагалось «установить постоянное проветривание церквей в местах слуховых отверстий», для чего прорезать об-

шивку, что, как справедливо отметила М. Витухновская, на полвека предвосхитило рекомендации ученых по аэрации памятников деревянного зодчества.

Поучительна и для современных госслужащих различного ранга, и для дирекции музея-заповедника «Кижы», получающего, как известно, существенную прибыль, история «выбивания» денег на ремонт. Сумма таких расходов по предварительной смете составила 600 руб. Финансирование работ в равных долях (по 200 руб.) взяли на себя Кижская церковная община, Центральные государственные реставрационные мастерские и Карельский наркомпрос, причем последнему для этого понадобилось через Наркомфин обратиться в Совнарком, который и выделил искомую сумму из своего резервного фонда. Вся эта бюрократическая операция была осуществлена в течение месяца (до 1.10.1926 г.), и вскоре ремонт был проведен.

Кардинальные реставрационные работы были выполнены в 1949–1959 гг. под руководством известного исследователя деревянного зодчества Российской Северо-западной архителлектуры А.В. Ополовникова, в ходе которых Преображенская церковь приобрела условно первоначальный облик — были удалены обшивка и кровельное железо, восстановлены лемеховые покрытия бочек и главков, а также резные детали. К этому времени окончательно сложились приоритеты общественного сознания, отразившиеся в новом строительстве в помпезной архитектуре «социалистического реализма», а при восстановлении памятников — в акценте на целостную реставрацию с элементами гипотетических реконструкций, ориентированных на «оптимальный облик» и тенденциозный подбор аналогов. Характерно в этом отношении утверждение А.В. Ополовникова о недопустимости «безыдейного сохранения памятников ради самого сохранения».

Наиболее дискуссионной из выполненных в те годы ремонтно-реставрационных работ представляется удаление обшивки, споры о достоинствах и недостатках которой ведутся специалистами до сих пор. Но одно бесспорно — до уничтожения «позднего наложения», явно выполнявшего не только «бутафорские», но и реальные защитные функции, видимо, следовало определить, что произойдет с обнаженными поверхностями срубов, которые вновь после длительного перерыва подвергнутся воздействию солнечной радиации и атмосферных осадков.

Особенно серьезное внедрение в структуру памятника было осуществлено в 1981–1983 гг. В этот период, после того как состояние Преображенской церкви было официально признано аварийным (не вполне обоснованно, как показали последующие

обследования), в ее интерьер ввели металлические леса, требовавшие демонтажа иконостаса, полов, части перекрытий и некоторых других конструктивных элементов. Предполагалось, что леса будут играть роль, с одной стороны, внутреннего каркаса, воспринимающего часть внешней нагрузки и страхующего сооружение от возможных деформаций, и, с другой стороны, устройства, облегчающего последующую переборку церкви «снизу вверх» с заменой деструктированных элементов. Но, как оказалось, из-за ряда технологических осложнений вторую задачу внутренние леса выполнить не смогли, и храм оказался в подвешенном состоянии в буквальном (из-за установленной внутри него металлической «вешалки») и в переносном смысле (из-за невозможности продолжать намеченные работы).

Этот этап строительной истории Преображенской церкви отражает характерную для советской административно-командной системы односторонность (несистемность) принимаемых решений. Действительно, сами по себе металлические леса — добротное инженерное сооружение, но не учитывающее специфику совместной работы со срубной конструкцией, которая то периодически «садилась» на каркас, то поднималась над ним — соответственно при высыхании и намокании древесины.

Последующая пятилетка ознаменовалась платоническими дискуссиями в рамках специальной комиссии, возглавляемой заместителем министра культуры СССР А. Шкурко, «пробуксовки» в работе которой объясняются непреодолимыми противоречиями между сторонниками и противниками реставрации Преображенской церкви путем полной ее переборки.

В конце концов очевидная неэффективность пустопорожних разговоров вынудила министра культуры РСФСР Ю. Мелентьева под несомненным давлением сторонников переборки принять волевое решение, отразившееся в следующем проекте постановления от 8.02.1988 г.:

«В целях сохранения уникального памятника деревянного зодчества Преображенской церкви на о. Кизи, находящейся в тяжелом техническом состоянии, коллегии Государственного комитета по архитектуре СССР и Министерства культуры РСФСР, секретариаты Союза архитекторов СССР и Союза архитекторов РСФСР, президиум Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры постановляют:

1. Определить как основной метод реставрации Преображенской церкви на о. Кизи переборку с максимальным сохранением первоначальных элементов памятника и с пропиткой древесины защитными составами на натуральной основе.

2. Назначить руководителем работ по переборке Преображенской церкви на о. Кижы архитектора Архангельской СНРПМ т. Попова А.В.»

Зам. председателя Совмина Карельской АССР А. Трофимов сообщил на одном из совещаний некоторые подробности о принятии процитированного документа: «За несколько дней до совместной коллегии... состоялось совещание компетентных специалистов (без участия многих членов комиссии МК СССР, длительное время занимавшихся кижскими проблемами и негативно относящихся к идее полной переборки! — В.О.).»

Пятнадцать человек высказались за незамедлительное решение проблемы реставрации церкви. Было отмечено, что сегодня в мире не существует рецептов спасения гнилой древесины...

При обсуждении вопроса на коллегии Министерства культуры РСФСР (имеется в виду объединенная коллегия. — В.О.), на которой присутствовали около ста специалистов, мнения разделились. Подавляющее большинство присутствующих высказалось за переборку как единственно возможный сегодня метод сохранения памятника. Против были Орфинский и Лопаткин (из числа представителей Карелии. — В.О.)... Мнения специалистов об архитекторе Попове основываются на высоких результатах, достигнутых им при реставрации церкви в Верхней Уфтюге (Красноборский район Архангельской области)».

Приведенная информация вызывает ряд недоуменных вопросов. Прежде всего, как сложилось у специалистов мнение о реставрационных успехах А. Попова, если с этими успехами они смогли познакомиться лишь спустя месяц после проведения указанной коллегии? Ведь только 15–16.03.1988 г. в Верхней Уфтюге побывала специальная комиссия, созданная приказом министра культуры РСФСР из ведущих специалистов страны. Более того, комиссия отметила, что наряду с достоинствами реставрация церкви Дмитрия Солунского не лишена существенных недостатков. И хотя большинство из них имеют объективные объяснения, а подчас и оправдания, но это, думается, не позволяет рассматривать работы, проведенные на Дмитриевской церкви в Уфтюге, как эталон применительно к неизмеримо более сложному Преображенскому храму в Кижих.

Заключение комиссии было рассмотрено 18.03.1988 г. на сессии специализированного совета по защите докторских диссертаций по архитектуре Ленинградского инженерно-строительного института, а 23 марта — в Петрозаводске на совместном собрании представителей творческих союзов, научной общности и деятелей культуры. В обоих случаях участники обсуде-

ний обратились в Министерство культуры РСФСР с просьбой отменить постановление объединенной комиссии от 8 февраля с учетом новых данных по Дмитриевской церкви. Наконец, этот вопрос был подробно освещен в СМИ.

Вызывает сомнение и единодушная поддержка переборки Преображенской церкви присутствовавшими на объединенной коллегии специалистами. Собственно говоря, не сама поддержка, а способы, которыми она была обеспечена...

Сомнения эти возникли в связи со следующими обстоятельствами — в начале февраля 1988 г. меня пригласил к себе зам. председателя Совмина Карельской АССР А. Трофимов и настоятельно попросил поддержать на предстоящей коллегии МК РСФСР мнение правительства Карельской АССР о целесообразности переборки церкви Преображения. Разумеется, я отказался, но все ли смогли выдержать такой нажим, проводившийся, скорее всего, не только в Карелии? В любом случае маловероятно, чтобы столь представительный форум сторонников переборки мог собраться в Москве самопроизвольно. Подтверждение правомерности такого сомнения — массовые выражения противоположной позиции в Петрозаводске, где только на «круглом столе», организованном журналом «Север» 17.02.1988 г., присутствовали более ста человек.

Подводя итоги совещания, главный редактор журнала Д.Я. Гусаров заявил: «Наша цель была в том, чтобы выяснить мнения представителей творческих союзов, научной общественности, работников культуры, и мы, на мой взгляд, ее достигли. Большинство выступающих товарищей считает, что принятое решение о переборке поспешно и до конца не продумано. Я лично не могу примириться с тем, что на острове четыре-шесть лет ничего не будет, а потом вырастет новый храм, возможно похожий, но не тот, который вызывает у нас святые чувства. Почему же так торопимся? Столько лет бездельничали и сразу хотим все исправить?»

Я как человек, как писатель, как руководитель журнала готов обращаться в любые инстанции, чтобы решение было откорректировано («Кижы: спасти и сохранить!»: «Круглый стол» журнала «Север» в Петрозаводске // Север. — 1988. — № 6. — С. 94–102).

А ведь кроме выступлений были письма. Много писем — индивидуальных и коллективных. Приведу фрагмент лишь одного из них: «Меня беспокоит судьба Преображенской церкви в Кижях... Сейчас я вижу только одно радикальное решение — срочно, не позднее мая 1988 г., созвать международное совещание специалистов по консервации. Спасение памятника, находящегося под эгидой ЮНЕСКО, не терпит отлагательства. В случае его

гибели нам не будет оправдания» (Из письма академика Д. Лихачева министру культуры РСФСР Ю. Мелентьеву).

И такое совещание состоялось в Петрозаводске, правда, не в мае, а 6–10.09.1988 г. Речь идет о Международном симпозиуме комитетов по народной архитектуре и дереву ИКОМОСа и рабочей группы социалистических стран по проблемам народной архитектуры и консервации древесины. (Присутствовали 107 представителей 23 стран, включая 38 зарубежных участников).

В резолюции симпозиума отмечено:

«Кижский архитектурно-ландшафтный ансамбль и его композиционное ядро — церковь Преображения — являются памятниками мирового значения и одновременно концентрируют в себе наиболее общие проблемы народной архитектуры из дерева». Поэтому к ним применимы следующие основополагающие рекомендации:

«Симпозиум считает, что генеральное направление спасения памятников деревянного зодчества включает следующие этапы:

- противоаварийный и профилактический ремонт;
- детальное исследование объектов с применением неразрушающей диагностики с параллельной стабилизацией древесины;
- научно обоснованные консервационно-реставрационные мероприятия.

При этом участники симпозиума рекомендуют, в принципе, воздержаться от полной переборки памятников, применяя лишь в исключительных случаях переборку частичную (кроме памятников, переданных в музей под открытым небом)».

Решение объединенной Коллегии Госстроя СССР и МК РСФСР было отменено, и начался новый драматический этап борьбы за спасение Преображенской церкви.

За техническим состоянием храма установлен инженерный и древесиноведческий контроль, параллельно с которым прорабатывались новые подходы к его реставрации. В 1995 г. такой подход был определен. В его основу легла концепция, разработанная группой инженеров из г. Кирова под руководством профессора Ю. Пискунова, которую без преувеличения можно назвать новаторской. Достаточно сказать, что впервые в международной практике был выполнен компьютерный многофакторный расчет срубных конструкций, позволяющий определять параметры напряженно-деформированного состояния для отдельных элементов конструкций при наиболее неблагоприятных условиях их эксплуатации. Это позволило Ю. Пискунову рассчитать и сконструировать систему усиления — своеобразный деревянный внутренний каркас, обеспечивающий возможность разгружать существ-

вующие конструкции дозированно, то есть по мере старения древесины памятника и, соответственно, снижения ее прочностных характеристик, увеличивать степень включения в работу усиливающих структур. А поскольку система усиления допускает ремонт и замену как ее собственных элементов, так и основных конструкций храма, то в принципе появляется реальная возможность увеличить жизнь сооружения на достаточно длительный промежуток времени. Но драматизм ситуации заключается в том, что шансы на реализацию такой заманчивой идеи невелики. И не только из-за недостатка материальных средств, а скорее наоборот — из-за их потенциального избытка, поскольку памятник мирового значения в конечном счете вряд ли оставят на чрезмерно урезанном пайке (если и не за счет бюджета, то хотя бы благодаря помощи международных благотворительных фондов). А раз так, то легко могут найтись охотники освоить эти деньги.

На такую возможность указывает описанная выше попытка обречь Преображенскую церковь на переборку, попытка удивительно похожая на заранее спланированную и тщательно срежиссированную акцию. То же можно сказать и о самой маниакальной идее превратить шедевр мировой архитектуры в новодел, идее, которая в течение полутора десятилетий, как феникс, возрождается вновь и вновь при мало-мальски благоприятном для этого стечении обстоятельств. Причем поводом для ее очередного возрождения зачастую становятся не только срывы графиков разработки «непереборочного» проекта, но и относительная несинхронность самой разработки — разрыв между лидирующими конструкторским и древесиноведческим разделами (руководители, соответственно, Ю. Пискунов и В. Козлов) и архитектурным разделом — аутсайдером (руководитель Е. Вахрамеев). И хотя такой разрыв во многом закономерен, поскольку именно конструкторские разработки носят ярко выраженный новаторский характер и представляют собой квинтэссенцию проекта, в последнее время авторский коллектив был усилен архитектором-реставратором высшей категории из Санкт-Петербурга В. Рахмановым, назначенным главным архитектором проекта и призванным способствовать полной увязке его архитектурных, инженерных и древесиноведческих аспектов.

Очередным этапом конкурентной борьбы за право «лечения» Преображенской церкви стал уже упоминавшийся выше симпозиум по проблемам памятников деревянного зодчества, что отразилось в прямом противопоставлении с Кижскими Нёноксы — «вотчины» «первооткрывателя» традиционных плотницких технологий архитектора-реставратора высшей категории А. Попова.

Реставрация путем полной переборки — один из аспектов рассмотренного ранее воссоздания памятников из нового материала, фактически равнозначного «новоделу». В докладе, подготовленном к симпозиуму совместно с М. Мильником, мы сопоставили суждения по поводу воссозданий одного из наиболее последовательных и убежденных их противников — известного исследователя архитектуры домонгольской Руси доктора искусствоведения А. Комеча. Результаты сопоставления оказались весьма любопытными. «Воссоздание возможно и, увы, даже необходимо обществу, — утверждает ученый, — но это следствие беды, никакой победы для художественной культуры здесь не бывает...», «...реально происходит не реставрация объекта, а создание его копии... В архитектуре и монументальной живописи неразвитость общественного суждения невольно рождает иллюзию создания (воссоздания) оригинала»; «...правда сейчас состоит в том, что мы с готовностью уничтожаем и с восторгом заменяем подлинники макетами». Не вызывает сомнений и резюме: «Ни одно произведение искусства не может быть воскрешено. Только такая позиция может заставить беречь и ценить подлинники» (Комеч А.И. Реставрация, воссоздание и демагогия. Проблемы воссоздания утраченных памятников архитектуры. Pro et contra. — М., 1998. — С. 25–27).

Приведенные цитаты подтверждают, что подлинность памятников является для Алексея Ильича основополагающим критерием при решении вопросов, связанных с сохранением архитектурного и, шире, культурного наследия. Но оценки ученого непостоянно меняются, как только он переходит от каменной архитектуры к деревянной.

Именно он уже более десяти лет постоянно настаивает на необходимости переборки Преображенской церкви в Кижях, и, видимо, он являлся одним из основных идеологов упомянутой объединенной коллегии. Можно без преувеличения сказать, что если бы тогда, в феврале 1988 г., научная общественность не выдержала откровенного нажима, сегодня уже не было бы кижского храма Преображения. Разобрать бы его разобрали, а вот собрать в условиях наступившего экономического кризиса вряд ли бы удалось. Подтверждение тому — печальная судьба неизмеримо более простого сооружения — Никольской церкви в Нёноксе, переборку которой уже в течение нескольких лет не могут завершить из-за отсутствия средств.

Такая противоречивость суждений авторитетного ученого — психологический феномен, возможно, основанный на безоговорочной вере в талант и плотницкое мастерство А. Попова, кото-

рый, как уже отмечалось, перебрал церковь Дмитрия Солунского в селе Верхняя Уфтюга. Если такое предположение верно, то для уяснения причины отмеченного феномена и его оценки можно воспользоваться еще одной цитатой из той же статьи А. Комеча: «Ослепление бывает столь велико, что «реставрационные» достижения могут считаться лучше подлинника». И далее: «Субъективность любой деятельности, а творческой особенно, — является неизбежной. Даже когда воссоздание идет научными методами при участии квалифицированных реставраторов — все носит печать современных возможностей и вкусов».

На симпозиуме Алексей Ильич ответил нам репликой: «Попов мне друг, но истина дороже». И потому, мол, он сам, А. Комеч, отстаивает принципиальную, объективно доказуемую позицию, а не свои субъективные симпатии».

Стремясь приблизиться к истине, подробнее рассмотрим проблему подлинности — одну из ключевых в реставрации памятников деревянного зодчества. Диапазон противоречивых суждений на симпозиуме был широк — от постулата о ведущей ценности строительного материала до признания приоритетности исторической технологии плотницких работ, воспроизведение которой якобы способно превращать копию в «омоложенные» дубликаты древних раритетов. Первая точка зрения, характерная для европейской и, шире, западной цивилизации, закреплена в Венецианской хартии (1962 г.) и связана с представлением о необратимости исторического времени, отпечатки которого — изначальные и вторичные следы обработки древесины, патина, вписанность построек в контекст исторически сложившейся среды и их возрастные деформации — придают неповторимую индивидуальность облику памятников деревянного зодчества, во многом предопределяя силу их эмоционального воздействия на современников.

Вторая точка зрения — отголосок идеи периодического воссоздания заново обветшавших культовых сооружений — восходит к язычеству и ассоциативно связана с цикличностью биокосмических ритмов. Ее возникновению способствовали особенности мифологического сознания — представления о настоящем как о повторении прошлого и прецеденте для будущих повторений и о магической силе ритуала, призванного поддерживать установленный в природе и обществе порядок путем символического повторения в рамках календарных обрядов мифологических сюжетов.

На западе попытки преодолеть безысходность вечного кругообращения во многом предопределили изменение мировоззрения: в иранской мифологии, иудаизме и христианстве возобладала идея о линейности потока времени, уст-

ремленного к вселенской катастрофе — к окончательному уничтожению мира и истории как процесса общественного развития с последующим, но уже вневременным всеобщим воскресением. На востоке же языческая ментальность сохранилась дольше. Особенно характерен в этом отношении синтоизм — «истинно японская религия», сложившаяся в раннем средневековье на основе разнородных культов природы и предков под «патронажем» богини Амаэрасу и сохранившаяся во многих своих проявлениях в современной Японии. Именно поэтому древние деревянные синтоистские храмы традиционно сохранились для потомства путем воссоздания в обновленном материале. Подлинность в этом случае заключалась в форме, инструменте и технологии его применения.

Следовательно, с мировоззренческих позиций изложенные точки зрения отражают культурные приоритеты цивилизаций различного типа, и потому, думается, неправомерно напрямую связывать воссоздание из нового материала православных христианских храмов с древней мировоззренческой традицией.

Внеисторично и другое распространенное утверждение «традиционности» метода воссоздания со ссылкой на сборно-разборный характер срубных сооружений. Действительно, срубная конструкция позволяла производить переборку с частичной заменой венцов и, более того, трактовать такую переборку как традиционный строительный процесс, но, важно подчеркнуть, применительно только к массовым рядовым постройкам. Известно, что перевод последних в разряд памятников уже в XVIII–XIX вв. сопровождался сакрализацией подлинного строительного материала и бережным его сохранением путем помещения построек в футляры-реликвари (хрестоматийный пример тому — церковь Лазаря из Муромского монастыря).

Неправомерен метод воссоздания деревянных памятников архитектуры в своем классическом виде (с применением традиционной технологии) и в чисто этическом плане. В самом деле, применение копий в искусстве не считается криминалом, но лишь до тех пор, пока копии не выдаются за оригиналы. Как только происходит подмена понятий, копия превращается в фальсификат. Важно отметить, что применение исторических технологий при фрагментарных реставрациях способно приводить к мистификациям, нарушающим справедливое требование Венецианской хартии о выявлении различий между первоначальными элементами и докомпоновками. В этом плане звучит вполне убедительно на первый взгляд парадоксальное утверждение Камилло Бойто: «Я предпочитаю плохо сделанные реставрации сделан-

ным хорошо. В то время как первые, в блаженном неведении, позволяют мне ясно отличать древние части от новых, вторые, с чудесным искусством и хитростью, заставляют новые казаться старыми, оставляют мое суждение в таком затруднении, что наслаждение созерцанием памятника исчезает и его изучение становится изнурительным трудом». Кстати, нечто подобное испытывают многие молодые исследователи деревянного зодчества в музеях под открытым небом, экспонаты которых нередко являются носителями дезинформации.

На симпозиуме отмечалось, что осенью текущего года на очередной сессии ИКОМОСа в Мексике будут рассматриваться рекомендации о широком применении в реставрационной практике исторических технологий. Надеюсь, что это не вызовет их абсолютизации, так как в противном случае такие технологии станут поводом для легализации реставрационных новоделов со всеми вытекающими отсюда последствиями. (Произойти это может только при количественном преобладании среди участников обсуждения приверженцев «восточной» методики.) И наконец, самое главное. Учитывая лавинообразные утраты памятников деревянного зодчества, уважительное отношение к еще сохранившимся реликвиям как к историческим документам должно стать нормой в наши дни. Подтверждение тому — ситуация, сложившаяся ныне на погосте Нёнокса, где была реставрирована колокольня (начало XIX в.), начата, но не закончена реставрация Никольской церкви (1763 г.), но до самого древнего и наиболее ценного памятника — ансамбля Троицкой церкви (1727–1729 гг.) — у реставраторов руки так не дошли.

А между тем храм Троицы в Нёноксе — один из самых удивительных осколков великого архитектурного континента — деревянного зодчества Российского Севера. Композиционное решение церкви для настоящего времени уникально. Оно основано на сочетании пяти ярусных шатровых башен, из которых самая высокая, центральная (над основным молитвенным помещением), окружена четырьмя меньшими по высоте (над главным алтарем, двумя придельными храмами и притвором). Облик церкви вызывает отчетливые ассоциации с вершиной древнерусской монументальной архитектуры — с собором Покрова-на-Рву (храмом Василия Блаженного) в Москве. Такие ассоциации основаны на общности принципов композиционного решения: центричности слитно-расчлененной группировки башен, которая в Нёноксе с востока и запада зрительно воспринимается симметрично, с юга и севера — диссимметрично с выраженной направленностью композиционной оси к основному алтарю, а с промежу-

точных видовых точек — в виде неповторимых сочетаний объемов — торжественного «хоровода» периферийных башен вокруг центрального храмового столпа. Правда, в настоящее время на пафос архитектурной комбинаторики явственно накладывается трагизм обреченности, что вызывает некое жутковатое чувство, как будто видишь танец древнего храма на собственной тризне.

Уму непостижимо, что обреченность Троицкой церкви предопределена не естественным течением времени, а небрежением реставраторов, уподобившихся врачам «скорой помощи», которые предпочитают заниматься не без пользы для себя полным курсом лечения избранных больных, жертвуя здоровьем и даже жизнью остальных пациентов. В самом деле, в то время, когда из-за многочисленных протечек влага подтачивала устои древнего Троицкого храма, его более молодые соседи — Никольская церковь и колокольня — в течение многих лет реставрировались путем полной переборки, затраты на которую превосходили суммарные ассигнования на спасение всех остальных памятников деревянного зодчества Архангельской области вместе взятых. И никто из мастеров, включая реставратора высшей категории А. Попова, не пожелал хотя бы временно отвлечься от интригующего раскрытия секретов плотницкого ремесла пращуров и овладения историческими технологиями обработки древесины ради неизмеримо более дешевых рутинных противоаварийных работ на главном сооружении ансамбля.

Почему люди, обязанные своим благополучием деревянному зодчеству, могли оказаться безучастными свидетелями прогрессирующей деструкции одного из выдающихся деревянных храмов России? Неужели ослепление безусловно талантливого реставратора и его подручных оказалось настолько велико, что они посчитали свои достижения по имитации древних форм лучше подлинников? Ведь только непоколебимая вера в возможность успешной реанимации Троицкой церкви может если и не оправдать, то хотя бы объяснить безразличие к ее судьбе со стороны работающих рядом с ней опытных специалистов, явно не обремененных чрезмерно жестким контролем органов охраны памятников, что исключает возможность ссылок «на злую волю» начальства.

Впрочем, не многим лучше сложилась судьба Никольской церкви Нёнокского погоста, ставшей полигоном для реставрационного эксперимента по воссозданию деревянных сооружений, «подлинность» которых обеспечивалась преимущественно путем применения традиционных технологий, придающих правдоподобность фактуре поверхности исторических памятников — важной, но отнюдь не единственной составляющей их архитектурного образа.

Еще в начале XX в. американский архитектор Луис Генри Салливен писал о «хороших копиях» исторических памятников как о вульгарных анахронизмах — попытках ограниченно мыслящего архитектора воссоздать частицу навсегда ушедшей цивилизации, которую он «не может ни ясно себе представить, ни ощутить, так как он не жил в ней как ее часть». Естественно, что для ощущения всей многогранности проявления архитектуры минувших эпох отнюдь не достаточно данных о секретах плотницкого мастерства. Следует напомнить, дополняя уже сказанное выше, что подлинный строительный материал — стволы деревьев, обогащенные в срубе древнего храма следами воздействия на них инструментов, хранящие следы врубок, которые позволяют представить исчезнувшие элементы конструкций или даже целые строительные этапы в жизни памятника, неизвестные ранее или попросту неразгаданные «хитрости», а равно и «хитрости», казалось бы, разгаданные, но переосмысленные заново при очередных изменениях исследовательских парадигм, — все это делает памятник деревянного зодчества неисчерпаемым источником, процесс чтения которого бесконечен, но лишь до тех пор, пока сохраняется подлинное сооружение. Подтверждение тому — новые представления о строительной истории, казалось бы, досконально изученной церкви Покрова Кижского погоста, выявленные в последние годы в процессе детальных обследований А. Яскеляйненом. «Воссоздание» же храма методом полной переборки с неизбежной в этом случае заменой части венцов равносильно уничтожению еще не прочитанного или не дочитанного уникального манускрипта.

То же относится к деформациям — закономерным последствиям долгой жизни памятников. Их «исправление» при воссозданиях не обогащает, а, наоборот, обедняет художественный образ архитектурных сооружений, лишая его важнейшего признака реально существующих материальных объектов — отражения времени бытия. Не случайно искусство реставратора как раз и заключается в том, чтобы, сохраняя или осторожно выявляя образный строй памятников, ни в коем случае не омолаживать их.

Для участников симпозиума 1999 г. справедливостью сказанного подтвердил видеофильм, запечатлевший небрежную раскатку Никольского храма в Нёноксе и, особенно, складирование под открытым небом подлинных элементов его восьмерика, обреченных на долгие годы беспрепятственного разрушения под воздействием атмосферных осадков, ветра и солнечной радиации. Причина тому — приостановка финансирования реставрационных работ и, как следствие, сборки храма, который — обезглавленный (без восьмерика и шатра)

— ныне воспринимается как немой укор близорукости и эгоизму людей, принесших в жертву собственным амбициям бесспорную историко-культурную ценность. Теперь, даже в лучшем случае, при возобновлении финансирования, может быть создан только макет с неоправданно высоким процентом замен в нижней части и с намерением-новоделом.

Невольно вспоминаю первую встречу с Поповым в 1988 г., когда, категорически возражая против отстаиваемой им полной переборки Преображенской церкви в Кижях, я искренне восхищался реставратором-самородком — его смелостью, уверенностью в себе, плотницким мастерством, пытливостью и целеустремленностью. За минувшие одиннадцать лет Александр Владимирович заметно вырос в профессиональном отношении, став специалистом, аттестованным без всякой натяжки как архитектор-реставратор высшей категории. При этом он сумел счастливо сочетать в своем лице виртуозного плотника и вдумчивого ученого, раскрывшего многие технологические секреты древнерусских мастеров и способного расшифровать следы минувших реконструкций реставрируемых объектов (что, в частности, продемонстрировал при анализе строительной истории колокольни в Нёноксе). Да, как специалист А. Попов безусловно изменился в лучшую сторону, чего, к сожалению, я не могу сказать о некоторых его человеческих качествах: уверенность мастера с годами переросла в самоуверенность, здоровое честолюбие в тщеславие, разумный эгоизм в эгоцентризм, предопределивший приоритетность собственных интересов по отношению к делу жизни каждого реставратора — спасению историко-культурного наследия. Думается, что в идеале человек, врачующий духовные ценности, находящиеся под угрозой полной утраты, должен соотносить себя с врачом «скорой помощи», а не с преуспевающим дантистом. И хотя идеальное и реальное далеко не всегда совпадает, но хотя бы стремиться к такому совпадению истинный специалист обязан.

К сожалению, профессиональное несоответствие такого рода в наши дни широко распространено, проявляясь как в реставрационной практике, так и в других сферах культурно-охранительной деятельности, в частности, в собирательстве историко-культурных экспонатов. Причем не только для частных коллекций, но и для государственных музеев, когда своекорыстные мотивы, казалось бы, должны отсутствовать. Для иллюстрации приведу один из множества известных мне фактов, до сих пор приводящий меня в оторопь, хотя с тех пор прошло уже более 20 лет.

Случилось это в карельском селе Вешкелицы, где в конце XIX в. был срублен удивительный дом Мемоева, рассчитанный на обзор-

ние вблизи, что и предопределило камерный характер его архитектуры и особое внимание, уделяемое деталям, в первую очередь великолепному балкону, способному стать наглядной иллюстрацией декоративных возможностей дерева. Упругая выкружка основания балкона, украшенная по верхнему краю резным подзором с кистями, свисающими по бокам, ажурное балконное ограждение с двумя рядами сквозных розеток, резные столбы, поддерживающие венчающую арку, — всего этого мастеру показалось мало, и он протянул под балконным ограждением и по основанию столбов набивные кессоны из планок, украсил арку тремя подвесками в виде розеток и увенчал розетками оголовки столбов. При таком изобилии украшений только безупречный вкус плотнику-зодчему избежать перегруженности и не потерять чувства меры.

За полвека я повидал на Российском Севере немало памятников деревянного зодчества, но, честное слово, нигде не встречал столь же изысканную архитектурную миниатюру! И вот в 1970 г. экспедиция музея «Кижы» в составе Б. и В. Гуциных спилила и увезла с собой декоративный балкон дома Мемоева, с тем чтобы продемонстрировать его в рамках выставки деревянной резьбы, а затем в разрозненном виде обречь на прозябание в запасниках музея.

Что же касается самого дома, то, лишенный своей основной достопримечательности, он почти два десятилетия простоял голый и неприкаянный с единственным украшением — желтой доской, подтверждающей, что невзрачная постройка является охраняемым государством памятником. Ныне дом разобран хозяевами, что позволило вздохнуть с облегчением представителям органов госохраны, уставшим объяснять причины включения в число памятников ничем не примечательного сооружения.

По-видимому, во всех подобных случаях радетели за сохранение культуры выстраивали для себя некую иерархию ценностей во главе с личными и групповыми (ведомственными) интересами, в то время как собственно объекты охраны — конкретные памятники и тем более такое абстрактное понятие, как культурное наследие в целом, отступали на задний план. Ко всем этим проявлениям эгоизма, точно так же, как и к рассмотренным в первом разделе очерка (см. «Тальцы». — 2002. — № 1 (13). — Ред.) деяниям властей предержавших, с полным правом можно отнести не потерявшее своей актуальности известное высказывание Валентина Распутина: «Нравственность, духовность — едва ли не самые перегруженные ныне слова. И все же снова и снова приходится к ним обращаться в поисках причин, которые не держат другого объяснения».

(Продолжение следует)

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН
2519. ОБ ОБЪЕКТАХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
(ПАМЯТНИКАХ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ) НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

*Принят Государственной Думой 24 мая 2002 года
Одобен Советом Федерации 14 июня 2002 года*

Настоящий Федеральный закон регулирует отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и направлен на реализацию конституционного права каждого на доступ к культурным ценностям и конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры, а также на реализацию прав народов и иных этнических общностей в Российской Федерации на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение историко-культурной среды обитания, защиту и сохранение источников информации о зарождении и развитии культуры.

Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации представляют собой уникальную ценность для всего многонационального народа Российской Федерации и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия.

В Российской Федерации гарантируется сохранность объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации.

Государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации является предметом совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) является одной из приоритетных задач органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

ГЛАВА I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 1. Предметы регулирования настоящего Федерального закона

Предметами регулирования настоящего Федерального закона являются:

1) отношения, возникающие в области сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации;

2) особенности владения, пользования и распоряжения объектами культурного наследия (памятниками истории и культуры) народов Российской Федерации как особым видом недвижимого имущества;

3) порядок формирования и ведения единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации;

4) общие принципы государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Статья 2. Правовое регулирование отношений в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации

1. Правовое регулирование отношений в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации основывается на положениях Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, Основ законодательства Российской Федерации о культуре и осуществляется в соответствии с настоящим Федеральным законом и принимаемыми в соответствии с ним другими федеральными законами, а также принимаемыми в соответствии с ними в пределах компетенции субъектов Российской Федерации законами субъектов Российской Федерации в области государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Полномочия органов местного самоуправления в отношении объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации определяются настоящим Федеральным законом и законами субъектов Российской Федерации.

2. Отношения в области сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, связанные с землепользованием и градостроительной деятельностью, регулируются земельным законодательством Российской Федерации, законодательством Российской Федерации о градостроительной и об архитектурной деятель-

ности, законодательством Российской Федерации об охране окружающей среды и настоящим Федеральным законом.

3. Имущественные отношения, возникающие при сохранении, использовании, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, регулируются гражданским законодательством Российской Федерации с учетом особенностей, установленных настоящим Федеральным законом.

4. Разграничение собственности на объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации, находящиеся в государственной собственности, осуществляется федеральным законом, регулирующим отнесение объектов культурного наследия к федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации и муниципальной собственности.

Статья 3. Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации

К объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации (далее — объекты культурного наследия) в целях настоящего Федерального закона относятся объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.

Объекты культурного наследия в соответствии с настоящим Федеральным законом подразделяются на следующие виды:

памятники — отдельные постройки, здания и сооружения с исторически сложившимися территориями (в том числе памятники религиозного назначения: церкви, колокольни, часовни, костелы, кирхи, мечети, буддистские храмы, пагоды, синагоги, молельные дома и другие объекты, специально предназначенные для богослужений); мемориальные квартиры; мавзолеи, отдельные захоронения; произведения монументального искусства; объекты науки и техники, включая военные; частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки (далее — объекты археологического наследия);

ансамбли — четко локализуемые на исторически сложившихся

территориях группы изолированных или объединенных памятников, строений и сооружений фортификационного, дворцового, жилого, общественного, административного, торгового, производственного, научного, учебного назначения, а также памятников и сооружений религиозного назначения (храмовые комплексы, дацаны, монастыри, подворья), в том числе фрагменты исторических планировок и застроек поселений, которые могут быть отнесены к градостроительным ансамблям; произведения ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства (сады, парки, скверы, бульвары), некрополи;

достопримечательные места — творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, с историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; культурные слои, остатки построек древних городов, городищ, селищ, стоянок; места совершения религиозных обрядов.

Статья 4. Категории историко-культурного значения объектов культурного наследия

Объекты культурного наследия подразделяются на следующие категории историко-культурного значения:

объекты культурного наследия федерального значения — объекты, обладающие историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностью, имеющие особое значение для истории и культуры Российской Федерации, а также объекты археологического наследия;

объекты культурного наследия регионального значения — объекты, обладающие историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностью, имеющие особое значение для истории и культуры субъекта Российской Федерации;

объекты культурного наследия местного (муниципального) значения — объекты, обладающие историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностью, имеющие особое значение для истории и культуры муниципального образования.

Статья 5. Земельные участки в границах территорий объектов культурного наследия

Земельные участки в границах территорий объектов культурного наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, а также в границах территорий выявлен-

ных объектов культурного наследия относятся к землям историко-культурного назначения, правовой режим которых регулируется земельным законодательством Российской Федерации и настоящим Федеральным законом.

Статья 6. Государственная охрана объектов культурного наследия

Под государственной охраной объектов культурного наследия в целях настоящего Федерального закона понимается система правовых, организационных, финансовых, материально-технических, информационных и иных принимаемых органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в пределах их компетенции мер, направленных на выявление, учет, изучение объектов культурного наследия, предотвращение их разрушения или причинения им вреда, контроль за сохранением и использованием объектов культурного наследия в соответствии с настоящим Федеральным законом.

Статья 7. Права граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия

1. Гражданам Российской Федерации гарантируется сохранность объектов культурного наследия в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации в соответствии с настоящим Федеральным законом.

2. Каждый имеет право на доступ к объектам культурного наследия в порядке, установленном пунктом 3 статьи 52 настоящего Федерального закона.

3. Каждый имеет право на беспрепятственное получение информации об объекте культурного наследия в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, в пределах данных, содержащихся в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Статья 8. Содействие общественных и религиозных объединений в сохранении, использовании, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия

Общественные и религиозные объединения вправе оказывать содействие федеральному органу исполнительной власти, специально уполномоченному в области государственной охраны объектов культурного наследия, в сохранении, использовании, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия в соответствии с законодательством Российской Федерации.

ГЛАВА II. ПОЛНОМОЧИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ СОХРАНЕНИЯ, ИСПОЛЬЗОВАНИЯ, ПОПУЛЯРИЗАЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Статья 9. Полномочия Российской Федерации в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия

К полномочиям Российской Федерации в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия относятся:

1) установление в случаях, определенных настоящим Федеральным законом, ограничений при использовании объектами культурного наследия и земельными участками или водными объектами, в пределах которых располагаются объекты археологического наследия;

2) проведение единой инвестиционной политики в области государственной охраны объектов культурного наследия;

3) утверждение федеральных целевых программ сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия;

4) определение политики в области государственной охраны объектов культурного наследия;

5) обеспечение сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия федерального значения;

6) организация и определение порядка деятельности федерального органа исполнительной власти, специально уполномоченного в области государственной охраны объектов культурного наследия;

7) установление общих принципов содержания объектов культурного наследия и установления границ территорий объектов культурного наследия и их зон охраны, проведения строительных, ремонтных и иных работ на территориях объектов культурного наследия и в зонах их охраны;

8) установление общих принципов сохранения объектов культурного наследия;

9) формирование и ведение совместно с органами государственной власти субъектов Российской Федерации в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом, единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации;

10) принятие в случаях, установленных настоящим Федеральным законом, решения о включении объекта культурного наследия фе-

дерального значения в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, об исключении объекта культурного наследия из указанного реестра, о перемещении объекта культурного наследия или об изменении его внутреннего или внешнего облика, об изменении категории историко-культурного значения объекта культурного наследия федерального значения либо о воссоздании утраченного объекта культурного наследия федерального значения;

11) осуществление государственного контроля за сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия совместно с органами государственной власти субъектов Российской Федерации;

12) отнесение объектов культурного наследия к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации;

13) установление порядка формирования перечня объектов культурного наследия, рекомендуемых Российской Федерацией для включения в Список Всемирного наследия;

14) формирование перечня не подлежащих отчуждению объектов культурного наследия, находящихся в федеральной собственности;

15) утверждение режимов использования территорий и зон охраны объектов культурного наследия, отнесенных к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации, и объектов культурного наследия, включенных в Список всемирного наследия;

16) установление общих принципов содержания историко-культурных заповедников;

17) отнесение объектов культурного наследия к историко-культурным заповедникам федерального значения;

18) установление порядка проведения государственной историко-культурной экспертизы;

19) осуществление Российской Федерацией международного сотрудничества в области охраны объектов культурного наследия;

20) заключение и организация выполнения международных договоров Российской Федерации в области охраны объектов культурного наследия;

21) установление порядка проведения статистического учета в области охраны объектов культурного наследия;

22) установление порядка использования информации, содержащейся в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, при формировании иных государственных реестров и подготовке нормативных правовых актов;

23) научно-методическое обеспечение в области сохранения и использования объектов культурного наследия, установление основ научно-методического обеспечения в области государственной охраны и популяризации объектов культурного наследия.

Статья 10. Федеральный орган исполнительной власти, специально уполномоченный в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия

Правительство Российской Федерации непосредственно или через федеральный орган исполнительной власти, специально уполномоченный в области государственной охраны объектов культурного наследия (далее — федеральный орган охраны объектов культурного наследия), осуществляет меры по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия.

Статья 11. Государственный контроль в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия

1. Государственный контроль в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия осуществляется в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, федеральным органом охраны объектов культурного наследия и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, уполномоченными осуществлять государственный контроль в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия в соответствии с настоящим Федеральным законом и законами субъектов Российской Федерации.

2. Федеральный орган охраны объектов культурного наследия, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, уполномоченные осуществлять государственный контроль в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия, имеют право предъявлять иски в суд в случаях нарушения настоящего Федерального закона.

Статья 12. Государственные целевые программы сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия

1. Для сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия разрабатываются федеральные целевые программы сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (далее — федеральные программы охраны объектов культурного наследия) и региональные целевые программы сохранения,

использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (далее — региональные программы охраны объектов культурного наследия).

2. Порядок формирования, финансирования и реализации региональных программ охраны объектов культурного наследия регионального значения и объектов культурного наследия местного (муниципального) значения устанавливается законом соответствующего субъекта Российской Федерации.

ГЛАВА III. ФИНАНСИРОВАНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ПО СОХРАНЕНИЮ, ПОПУЛЯРИЗАЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЕ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Статья 13. Источники финансирования мероприятий по сохранению, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия

1. Источниками финансирования мероприятий по сохранению, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия являются:

- федеральный бюджет;
- бюджеты субъектов Российской Федерации;
- внебюджетные поступления.

2. Для обеспечения целевого использования средств, выделенных на финансирование мероприятий по сохранению, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия, могут создаваться целевые бюджетные фонды в составе федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации.

3. Финансирование мероприятий по сохранению, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия за счет средств, получаемых от использования находящихся в собственности субъектов Российской Федерации и в муниципальной собственности объектов культурного наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, и (или) выявленных объектов культурного наследия, осуществляется в порядке, определенном законами субъектов Российской Федерации и нормативными правовыми актами органов местного самоуправления в пределах их компетенции.

Статья 14. Льготы, предоставляемые физическим или юридическим лицам, вложившим свои средства в работы по сохранению объектов культурного наследия

1. Физическое или юридическое лицо, владеющее на праве аренды объектом культурного наследия, находящимся в феде-

ральной собственности, собственности субъекта Российской Федерации или муниципальной собственности, вложившее свои средства в работы по сохранению объекта культурного наследия, предусмотренные статьями 40—45 настоящего Федерального закона, и обеспечившее их выполнение в соответствии с настоящим Федеральным законом, имеет право на льготную арендную плату.

Порядок установления льготной арендной платы и ее размеры в отношении объектов культурного наследия, находящихся в федеральной собственности, определяются Правительством Российской Федерации.

Порядок установления льготной арендной платы и ее размеры в отношении объектов культурного наследия, находящихся в собственности субъектов Российской Федерации или муниципальной собственности, определяются соответственно органами государственной власти субъектов Российской Федерации или органами местного самоуправления в пределах их компетенции.

2. Физическое или юридическое лицо, владеющее на праве аренды объектом культурного наследия, находящимся в государственной или муниципальной собственности, либо земельным участком или водным объектом, в пределах которых располагается объект археологического наследия, и обеспечившее выполнение работ по сохранению данного объекта в соответствии с настоящим Федеральным законом, имеет право на уменьшение установленной арендной платы на сумму произведенных затрат или части затрат.

Порядок предоставления указанной компенсации и ее размер определяются договором аренды.

3. Физическое или юридическое лицо, являющееся собственником объекта культурного наследия федерального значения, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо пользующееся им на основании договора безвозмездного пользования и производящее за счет собственных средств работы по его сохранению, имеет право на компенсацию произведенных им затрат при условии выполнения таких работ в соответствии с настоящим Федеральным законом. Размер компенсации определяется в соответствии с Федеральным законом о федеральном бюджете и входит в федеральную целевую программу охраны объектов культурного наследия.

Порядок выплаты компенсации определяется Правительством Российской Федерации.

(Продолжение в следующем номере)

КОНФЕРЕНЦИИ

23–25 января 2002 г. Санкт-Петербург. Россия. Международная научная конференция «Музей, традиция, этничность: XX–XXI век», посвященная 100-летию Российского Этнографического музея. Работа конференции проходила по трем основным направлениям: «Памятники этничности в музейных собраниях», «Этническая традиция как реконструируемая историческая реальность», «Музей — транслятор этничности».

17–21 марта 2002 г. Томск. Россия. Международная научная конференция «Музейные фонды и музейные экспозиции в научно-образовательном процессе», посвященная 80-летию юбилею Томского областного краеведческого музея. Конференция была организована Томским областным краеведческим музеем и Томским государственным университетом. Работа конференции проходила по следующим направлениям: «Музейные фонды и их использование в научно-образовательном процессе», «Музейные экспозиции как элемент научно-образовательной деятельности», «Информационные технологии и перспективы их использования в музейной работе», «Проблемы реставрационной деятельности в современном музее».

28 марта 2002 г. Иркутск. Россия. Первые востоковедные чтения Иркутской государственной экономической академии, посвященные 130-летию со дня рождения Николая Николаевича Козьмина (1872–1938) — крупного сибирского историка и этнографа, журналиста и общественного деятеля. Имя Н.Н. Козьмина, репрессированного в 1937 г. как панмонголиста и «японского шпиона», оказалось незаслуженно забытым, и проведение научной конференции, ему посвященной, — дань глубокого уважения сибирскому ученому.

Ополовников А.В., Ополовникова Е.А. Избяная литургия: Книга о русской избе. — М.: Изд-во «Ополо», 2001. — 512 с.

Книга — своего рода энциклопедия русской избы. На основе огромного фактического и иллюстративного материала в ней рассмотрены особенности построения русских изб и традиционных поселений во взаимосвязи с религиозно-философским мировосприятием нашего народа. Повествование ведется многопланово, с ассоциативными экскурсами в далекую и близкую историю России. Особое внимание уделено в этом историко-просветительном издании архитектурным деталям.

Арутюнов Г.Б. Именем Киренги нареченный. — Иркутск, 2002. — 384 с.

Книга посвящена истории города Киренска и Киренского района Иркутской области с момента появления первых поселений на реке Лене и до конца XX века. Автором сделана попытка отразить общий ход исторических событий на территории верхнего Приленья.

Гнедовский Б.В. Памятники деревянного зодчества России в музеях под открытым небом. 12 старейших музеев народного зодчества и быта. — М., 2002. — 70 с.

Публикация рукописи, написанной в середине 1980-х гг. одним из ведущих специалистов в области реставрации памятников архитектуры и организации музеев под открытым небом, структурной основой которых являются памятники народного деревянного зодчества. В книге в кратких авторских характеристиках с планами-схемами, фиксирующими наиболее выдающиеся архитектурно-художественные произведения, раскрывается комплексная картина сохраняемых в музеях страны памятников. Работа позволяет читателю ориентироваться в сети старейших музеев и в определенной степени в региональных особенностях народного зодчества на огромных просторах России.

ЛАСКА

Анатолий Горбунов

Живал — щи ладошкой хлебал в нашей Подкаменке лесник Костя Рукавишников: удалец! Казенного коня держал — якутской породы, Турпаном звали. Небольшой такой конишка, мохнатенький. До чего ушлый был, я тебе скажу! Набуровит Костя лиственничного швырка на дровни, Турпан покосится на воз, туда-сюда пошевелит дровни — дерг и пошел. Соображал, что полозья к снегу пристыли.

Если не мог воз с места сдвинуть, встанет, как вкопанный, и заржет: отбавляй, хозяин, поклажу. Тут его хоть стягом понужай, не шелохнется. Характер!

Крепко Турпан любил Костю, как собачонка за ним гонялся. Тот в нем тоже души не чаял: то комочком сахара угостит, то хлебцем, а то и звеньшком свежепросоленного сига — шибко уважал конишка эту рыбку. Такой голодом не останется нигде: все подряд мёл, если прижмет жизнь, — и прутья, и ветошь, и кору...

Однажды в тайге тушил Костя Рукавишников пожар. Польшало — головешки выше солнца летели! Отступ к реке огнем перехватило. Нашел Турпан прогалину, вывез хозяина из пекла.

Или вот еще случай. Поплыл рано утром Костя на моторной лодке за реку сети смотреть, налетел в тумане на топляк и перевернулся.

— Спасите! — орет. — Тону!

Услышал Турпан, перескочил через водяник — и к хозяину. Ухватился Костя за гриву, выкарабкался.

Как-то раз на Масленицу катал Костя по улице девчат в расписной кошевке. Турпан — в лентах! Под дугой — колокольчики.

Северянка-масленки,

Погулена-масленка.

Твои косы длинные,

Брови соболинны...

Бабушка Аксинья попросила раскудрявого лесника:

— Прокати, соколик, а?

Можно было и уважить бабушку, прокатить с ветерком, но Костю Рукавишникова будто вожжей огрели:

— Поздно тебе, гулена, кататься. Дуй-ка домой, блины в масло макай!

Та обиделась и погрозилась:

— Погоди, соколик, еще придешь на поклон...

— Приду, бабушка, приду, — так и закатился озорник. — Вот ухажерок развезу по дворам и приду.

А утром стало озорнику не до смеха. Зашел в конюшню — и обмер. Турпан мокрый, как ондатра. Дрожит. Грива перепутана. Глаза налились кровью. Тут поневоле обомрешь: казенный конишка, начальство за него крепко спросит. Костя рысяком к ветеринару:

— Спаси Турпана...

Ветеринар хоть и от Масленицы не отошел путем, но осмотрел Турпана. И заключил:

— Опой. Гонял-то вчера по деревне как угорелый.

— Какой опой?! — возмутился лесник. — Выстоять коню дал. Ну, бабушка Аксинья, попляшешь ты у меня на горячей сковородке. Сглазила ведьма Турпана.

— А я говорю: опой! — напустился ветеринар. — Слабым отваром дрёмника отхаживай коня, может, и одыбает.

Их разговор вскользя подслушали ребятышки, и к обеду вся деревня знала: бабушка Аксинья казенного конишку сглазила. Суеверные сельчане ругали старую почем зря, а Костю Рукавишникова жалели:

— Придется родителям корову продавать, иначе до конца жизни сердешному не расплатиться за Турпана — зарплатишка-то у лесника махонькая.

Обиженная молвой бабушка Аксинья выходила за ворота, выматривала Костю Рукавишникова, чтобы принародно отчихвостить за оговор. Парень, завидев бабушку, быстро нырнул в переулок: чувствовал — сам скоро заплывет на горячей сковородке. Каких только лечебных средств ни перебрал он, Турпану не помогало: днем вроде спокойный, а ночью того и гляди конюшню в щепки разнесет. Маялся лесник, маялся и пошел на поклон к бабушке.

— Прилетел, соколик? — мстительно прищурилась она. — Выкладывай, что стряслось?

«Скажи на милость, какая добренькая. Сглазила коня и хоть бы хны...» — Костя еле сдержался, чтобы не нагрубить колдунье.

— Турпан захворал, бабушка. Ума не приложу, чем лечить. Помоги горю.

— Ветеринар смотрел?

— Смотре-е-ел... — расплакался парень.

Бабушка Аксинья хмыкнула, задумчиво побарабанила пальцами по столешне и согласилась:

— Хоть ты и ославил меня на всю деревню, да ладно уж, гляну на мерина...

Хозяина в конюшню не пустила, а когда вышла оттуда, сказала:

— Вечером возьми кота мово, пусти на ночь к Турпану.

Так и сделал. Утром ни свет ни заря ворвался в конюшню. Ко-нишка встретил хозяина веселым ржанием! О валенки Кости, до-вольно мурлыкая, терся кот. В яслях лежала задавленная ласка.

Лесник показал зверька бабушке Аксинье, та всплеснула руками:

— Так я и думала! Она, проворка, мерина пугала.

— Не ты ли, баушка, ее приколдовала? — подозрительно спро-сил Костя. — Помнишь, на Масленке грозилась...

— Ах, вон ты про что! Внучке на курсы отписать хотела, как ее жених, пока она на счетовода учится, девок по деревне катат. А ласка... Мерину-то овса задаешь? Задаешь. Мыши завелись. Она и объявилась.

Бабушка Аксинья рассыпала по избе серебряный смех, а Кос-тя Рукавишников облапил ее, поцеловал крепко и бесшабашно потряхнул смоляными кудрями:

— Поехали, баушка, кататься!

Об авторе: **Анатолий Константинович Горбунов** — родился в 1942 г. на Лене-реке, в деревне Мутиной Киренского района Иркутской области. С 1967 г. живет в Иркутске. Русский поэт и прозаик. Печатался во многих российских газетах, журналах, кол-лективных сборниках. Автор книг: «Чудница», «Осенцы», «Тайга и люди», «Звонница», «Перекаты».

БЛЮДА ПРАВОСЛАВНОЙ ОБРЯДОВОЙ КУХНИ*

Бараний бок с кашей

1,2 кг баранины с ребрами, 400 г гречневой крупы, 5 головок репчатого лука, 200 г сливочного масла, соль.

Приготовить крутую гречневую кашу, смешать с сырым мелко нарубленным репчатым луком и положить на противень между реберной и грудной частями баранины. Баранину посыпать солью, намазать маслом, на противень налить немного бульона и жарить бараний бок до готовности и зарумянивания, часто помешивая кашу и поливая выделяющимся соком баранины, чтобы лук лучше прожарился. По желанию бараний бок можно нашпиговать чесноком.

Рыба по-монастырски

Филе рыбы, картофель, репчатый лук, сваренное вкрутую яйцо, сметана, соль, черный молотый перец, зелень.

Рыбу выпотрошить, очистить, отделить филе от костей, обвалить в муке, смешанной с солью, обжарить с обеих сторон. Лук нарезать кружками и обвалить в муке, обжарить с обеих сторон. Картофель нарезать кружками, обжарить. Яйцо очистить, нарезать кружками. На противень или металлическое блюдо положить слой картофеля, на него — слой филе рыбы, на рыбу «чешуей» положить кружочки картофеля, лука, яйца, слегка посолить, поперчить, залить сметаной, запечь в духовке до образования золотистой румяной корочки.

Это блюдо, посыпанное мелко нарезанной зеленью петрушки или укропа, украсит любой стол.

Колбаса домашняя обыкновенная

4 кг говядины без костей и жира, 2,4 кг жирной свинины, соль, перец черный молотый, лавровый лист, перец черный горошком.

Говядину нарезать кусками и оставить на 12 часов, чтобы стекла кровь. Затем приготовить фарш из говядины и свинины, добавить соль, перец, при желании — толченый лавровый лист, тщательно

* Печатаются по книге: Ляховская Л.П. Энциклопедия православной обрядовой кухни: Праздники, традиции, обычаи, обряды. — М., 2000. — 672 с.

перемешать и начинить кишки. Колбасы повесить в затененное и хорошо проветриваемое место, под навес например, на 8–10 дней, затем коптить. Хранить в сухом, прохладном помещении.

Грибы, запеченные по-деревенски

400 г соленых грибов, 2 столовые ложки растительного масла, 3–4 картофелины среднего размера, 2 головки репчатого лука, 1 столовая ложка муки, 1/2 стакана сметаны, соль, черный молотый перец по вкусу, зелень укропа.

Картофель отварить в мундире, очистить, нарезать кружками, уложить на дно сковороды, смазанной жиром. Соленые грибы отделить от рассола, промыть, нарезать соломкой, обжарить в растительном масле, соединить с отдельно обжаренным в растительном масле репчатым луком, приправить солью и перцем, положить в сковороду поверх картофеля, а сверху — опять слой картофеля. Грибы с картофелем залить перемешанной с мукой сметаной и запечь в духовом шкафу.

подавать блюдо горячим, посыпав нарезанной зеленью укропа, в той посуде, в которой оно запекалось.

Блины гречневые (старинный рецепт)

2 стакана гречневой муки, 2,5 стакана молока, 30 г дрожжей, соль.

Тесто для блинов надо поставить за 2–3 часа до того, как их подавать к столу.

Муку развести в теплом молоке или воде с добавлением соли и дрожжей, разведенных в небольшом количестве молока, и поставить в теплое место. Когда тесто поднимется, осторожно, не перемешивая, печь блины на горячей сковороде, смазанной маслом, на плите или в русской печи.

Блины подавать с растопленным маслом, сметаной, икрой, сельдью, малосольной или свежей рыбой. Гречневые блины едят и с постным (растительным) маслом.

Тыква, запеченная в сметане

1 кг тыквы, 2–3 столовые ложки растительного масла, соль, сахар по вкусу, 2 столовые ложки пшеничных сухарей, 4 столовые ложки сметаны, зелень укропа или петрушки.

Тыкву нарезать тонкими ломтиками, обжарить в растительном масле, сложить в сковороду или форму, приправить солью и сахаром по вкусу, посыпать подрумяненными сухарями, залить сметаной, запечь в духовке.

подавать, посыпав мелко нарезанным укропом или петрушкой.

